

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.В. КУЗНЕЦОВ

ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

**Итоги и задачи
изучения**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 26

А.В. Кузнецов

ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2017 год

Чебоксары 2018

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-02
К 89

Научный редактор *Г.А. Николаев*

Кузнецов А.В.

К 89 **Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения**
/ А.В. Кузнецов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары,
2018. – 56 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 26).

В работе проведен анализ существующих вариантов диалектного деления чувашского языка. На основе обобщения гипотезы об образовании разных этнографических групп чувашей, расселении чувашей на территории современной Чувашии, возникновении диалектов чувашского языка сделана попытка поставить точку в споре о порядке образования диалектов, об их первичности-вторичности. Сделан акцент на проблеме выделения «смешанного диалекта» и «малокарачкинского говора». Подведены основные итоги исследования диалектов чувашского языка, и намечены перспективы их изучения.

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-02

© А.В. Кузнецов, 2018
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Языки народов мира нередко имеют диалекты. В некоторых случаях исследователям трудно определить с точностью, диалектом известного языка либо самостоятельным языком является тот или иной вариант языка определенной группы людей. По мнению авторов «Лингвистического энциклопедического словаря», в настоящее время в мире насчитывается от 2500 до 5000 языков. Точное число установить невозможно, потому что различия между языками и диалектами того или иного языка условны¹. Более двух веков ведутся разговоры и о специфических чертах речи чувашей, проживающих в разных местностях.

Чувашское языкознание располагает значительным количеством исследований в данной области: это труды Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеева, В.Г. Егорова, Л.П. Сергеева, Р.И. Цаплиной, А.С. Канюковой, Г.Е. Корнилова, Н.И. Егорова, Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, А.Д. Ахвандеровой, Л.В. Власовой и др. Разграничению диалектов и говоров, принципам классификации диалектов, особенностям диалектов и говоров в ударении, в произношении гласных и согласных и т.д. посвящены десятки книг и сотни статей, собраны диалектологические материалы по разным программам и анкетам, разработанным известными чувашскими лингвистами. Но наука не стоит на месте, и перед диалектологами возникают другие задачи. До сих пор ведутся споры, касающиеся дифференциации диалектов, нет единого мнения о количестве диалектов и говоров, их названиях и т.д. В настоящее время особых возражений не вызывает наличие двух диалектов под названиями *тури* (*вирьял*) «верховой» и *анатри* «низовой». Часть исследователей предлагает выделить три основных диалекта: *верховой*, *средний* и *низовой*. При этом средний диалект нередко считается возникшим в зоне смешанных говоров или, в лучшем случае, смешанным диалектом. Таким образом, в чувашском языке имеем следующие диалекты: *верховой* диалект – **тури**, или **вирьял**; *низовой* диалект – **анатри** «нижний, низовой», **хирти** «степной» (по Н.И. Ашмарину и П.И. Орлову); *средний* диалект – **анат енчи** (букв. «нижнесторонний»), **вӑта** «средний, срединный», **анатри** «нижний, низовой» (по Н.И. Ашмарину), **анатри (малти, мал енчи)** «низовой»

(по П.И. Орлову), **хутӑш** «смешанный», **хутӑш калашу** (талкӑшӗ) «(зона) смешанных говоров» (по Л.П. Сергееву) и т.д.

Лингвистический ландшафт чувашского языка достаточно однороден, различия между диалектами с точки зрения их лексики незначительны. Диалекты отличаются прежде всего фонетическими особенностями. Так, при употреблении существительных во множественном числе наблюдаем:

1) гармонию гласных по ряду, т.е. по мягкости-твёрдости *-сам / -сем* (верховой диалект),

2) гармонию гласных по ряду и лабиализации, т.е. по мягкости-твёрдости, огубленности-неогубленности *-сӑм / -сӗм, -сӑм / -сӗм* (средний диалект),

3) нарушение сингармонизма *-се / -сем* (низовой диалект).

В настоящее время различия между диалектами ещё более нивелируются. Это обусловлено тем, что основанный на низовом диалекте литературный чувашский язык, преподаваемый во всех школах республики, оказывает влияние на диалекты. «Навязываемые» литературным языком варианты лексем иногда сами поддаются влиянию диалектных особенностей разных говоров. Например, в турмышском говоре среднего диалекта происходят изменения такого рода: турм. *чулуа* ~ лит. *чӑлуа* ~ совр. турм. *чӑлуо*; турм. *хулуа* ~ лит. *хӑлуа* ~ совр. турм. *хӑлуо* и т.д.

Практически во всех диалектах отмечается сильное воздействие русского языка: чувашские слова заменяются русскими эквивалентами, и постепенно стираются различия (*шӑнкӑравла* – *звонить ту, пӑрт купала / пӑрт ухтар* – *пӑрт строить ту; кукаси, маӑсак* – *дедушка; кукамай, мамак* – *бабушка; анне, апи* – *мама* и др.).

В данной работе мы постараемся дать оценку современного состояния диалектов чувашского языка, описать характерные черты, сохраняющиеся по настоящее время. Попытаемся разрешить вопрос о полноценности среднего диалекта, именуемого «смешанным (переходным) диалектом», «зоной смешанных (переходных) говоров», «зоной вибрирования».

Цель нашего доклада – поставить точку в споре о порядке образования диалектов, об их первичности-вторичности, по проблемам «смешанного диалекта» и «малокарачклинского говора» чувашского языка.

Задачи нашего исследования:

1) дать краткую характеристику развития чувашской диалектологии от истоков до наших дней;

2) обозначить наиболее острые проблемы диалектной дифференциации чувашского языка и пути их разрешения;

3) раскрыть особенности взаимоотношения носителей разных диалектов чувашского языка в аспекте «свой – чужой»;

4) поставить точку в вопросе о статусе *пошкăрт калаçăвĕ* – малокарачкинского говора чувашского языка (язык чувашского типа, особый диалект чувашского языка, говор верхового диалекта чувашского языка и т.д.).

В работе используются присущие диалектологии термины и понятия: *диалект (территориальный диалект), диалектизм, диалектология, говор, наречие, изоглосса, лингвистическая география, идиолект, лабиализация, огубленные гласные, сингармонизм* и т.д. (подробнее см.: Приложение). При решении поставленных задач автор опирался на материалы диалектологических экспедиций и выполненные по теме труды.

ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Предыстория. Первые сведения о диалектном членении чувашского языка появились еще в XVIII в. В 1768 г. А.Л. Шлөцер (A.L. Schlözer) написал о том, что в чувашском языке различаются два диалекта². Г.Ф. Миллер же указывал, что чувашский схож с татарским, а вотяцкий (удмуртский) – с черемисским (марийским), но больше похож на пермский, при этом каждый из этих языков разделяется на два диалекта или наречия. Он заметил, что чуваша, живущие около Васильева, Козьмодемьянска и Чебоксар, говорят иначе, чем живущие ниже устья реки Камы, и записал несколько слов, доказывающих особенности второго диалекта³. П.С. Паллас в XVIII в. также отмечал, что живущие в степях по левую сторону Волги чуваша всех обитающих на гористой стороне называют *верейя*, а сами себя – *хирдияя*⁴.

И.И. Лепёхин в работе «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» указал на то, что чуваша имеют различия в языке, что чебоксарские чуваша не понимают пензенских, а пензенские – чебоксарских⁵. В.И. Лебедев отметил, что чуваша в основном везде одинаковы, но немного отличаются их наречия (диалекты) и некоторые обычаи. По его наблюдениям, казанские чуваша любят причастия и деепричастия и опускают

личные глаголы, чуваша симбирские, наоборот, выражаются в речи личными глаголами без деепричастий или к деепричастиям прибавляют личные глаголы. Под «казанскими чувашами» автор подразумевает чувашей бывшей Казанской губернии, под «симбирскими» – чувашей бывшей Симбирской губернии, именно верховых чувашей, проживавших в Курмышском уезде этой губернии⁶.

В середине XIX в. С.М. Михайлов опубликовал предания чувашей⁷ и разговор низового чуваша с верховым⁸, где отражаются особенности языковых различий верховых и низовых чувашей. В.Г. Родионов в своем исследовании отмечает, что «противопоставление двух этнографических групп и диалектов чувашского народа впервые встречается в очерках С.М. Михайлова» и приводит из этой книги следующий отрывок: «Чуваши разделяются на низовых и верховых, – писал исследователь в очерке “Предания чуваш”, написанном в 1852 г., – низовые называются по-чувашски *анатри*, то есть “низовой”, а верховые – *вирьял* “верховые деревни”. Здесь же он отмечает, что верховые чуваша к низовым имеют “какое-то особенное уважение и называют их старинными или коренными чувашами, так как низовые чуваша до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто в старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут”»⁹.

Таким образом, предысторией чувашской диалектологии можем считать упоминания в разных источниках XVIII–XIX вв. о диалектах чувашского языка, о различиях говоров чувашей, проживающих в разных местностях.

Истоки. Современные лингвисты выдвигают разные точки зрения об истоках чувашской диалектологии. Некоторые считают Н.И. Ашмарина «первым чувашским диалектологом, начинателем изучения многочисленных чувашских говоров»¹⁰. Другие утверждают, что именно Т.М. Матвеев впервые на научной основе выделил говоры чувашского языка¹¹. Третьи первым ученым-диалектологом называют Н.И. Золотницкого¹². Нам представляется, что ближе к истине версия, по которой история чувашской диалектологии начинается с Н.И. Золотницкого. Еще в 1867 г. он писал о трех диалектах чувашского языка – верховом, среднем и низовом, причем свои работы составлял на «чебоксарско-цивильском наречии» среднего диалекта¹³.

В исследовании чувашских диалектов большое значение имеют труды конца XIX – начала XX в., авторы которых обосновали свое

видение классификации на этнографические группы, на диалекты (Н.И. Ашмарин¹⁴, Г.И. Комиссаров¹⁵, П.И. Орлов¹⁶ и др.). Но в чувашской диалектологии получило развитие положение, выдвинутое И.Я. Яковлевым и его учениками, а именно деление диалектов и говоров чувашского языка только на две группы: верховой и низовой. Л.П. Сергеев, ученый-диалектолог, посвятивший изучению диалектов чувашского языка всю жизнь, также считает, что в чувашском языке только два диалекта: верховой и низовой. Обращаясь к предисловию первого чувашского букваря И.Я. Яковлева, Л.П. Сергеев приводит слова просветителя: «Чувашский язык разделяется на два главных наречия: *анатри* и *вирьял*, что значит по-русски "низовой" и "верховой"... Нужно сказать, что наречие чуваш анатри от наречия чуваш вириял разнится главным образом оттенками произношения, затем немногими словами и, наконец, отчасти некоторыми глагольными формами и особенными оборотами»¹⁷. Обобщая высказанные мысли о двух диалектах чувашского языка, ученый отмечает: «...в исследованиях других авторов, занимавшихся историей, этнографией и языками народов Поволжья, мы также находим те или иные замечания по поводу деления чувашей и их языка на две группы (диалекта). Таким образом, давно было известно о существовании двух диалектов чувашского языка; однако специальным изучением этих групп говоров и их классификацией до конца XIX века никто не занимался»¹⁸. Действительно, многие из тех, кто касался темы чувашских диалектов, писали о наличии двух диалектов – верхового и низового, но мало кто из современных исследователей (кроме Н.И. Егорова и В.Г. Родионова) обратил внимание на то, что С.М. Михайлов, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, говоря о чувашах анатри (низовых), имели в виду современных чувашей *анат енчи* (средненизовых), а под диалектом *анатри* они подразумевали современный диалект *вата, мал ен* (средний).

Из чувашских лингвистов многие занимались вопросами диалектологии. Однако в этом ряду отсутствует имя Н.В. Никольского, который также интересовался языковыми проблемами, в том числе вопросами диалектной структуры чувашского языка, ее лексическим составом. В научном архиве ЧГИГН среди работ Н.В. Никольского особое место занимают материалы по отдельным говорам¹⁹. Описание говора Козьмодемьянского уезда, составленное Григорием Никифоровым, дает такое диалектное членение говоров: 1. Северо-западный ареал

(малокарачкинский, большеюгинский и отчасти татаркасинский); 2. Средний ареал (Акрамовская волость, отчасти Татаркасинская и Сундырская волости); 3. Юго-восточный ареал (не указан). Говор Большого Сундыря Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушского района ЧР) описан Петром Столяровым. Ценный материал для историков, этнографов, диалектологов содержится в рукописи «Особенности говора села Моргауш Козьмодемьянского уезда». Автор пытается объяснить происхождение названия «Моргауши». Вольнослушателем Илларионом Алексеевым записан ряд слов, заимствованных из русского языка: *крапля* «грабли», *окашка* «окно» и др. С. Яковлев, описывая особенности говора чувашей с. Моргауши, уверяет, что нельзя считать его чисто чувашским, так как он резко отличается от говора чувашей Чебоксарского, Цивильского и Ядринского уездов²⁰. Даже сами чуваша называют себя «тури», или «чикме ҫынни», что означает «верховые», или «козьмодемьянцы». В архиве Н.В. Никольского имеется также описание говора д. Яжуткино Ядринского уезда, они называют себя *вӑрман енчисем* (чуваша, живущие в лесной стороне), относятся к верховым (*вир-йал*). В рукописи представлены некоторые диалектизмы: *картофель* – *умма*, *блины* – *ӗне чӗлхилӗ икерчӗ*.

Таким образом, у истоков чувашской диалектологии стояли Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, Г.И. Комиссаров. Среди них мы смело можем назвать и Н.В. Никольского, который обращал внимание на говоры всех этнографических групп чувашей. Собранные им материалы важны в изучении диалектов и истории языка. Вышеназванные ученые заложили прочный фундамент чувашской диалектологии.

Советский период. Диалектологии советского периода XX в. начало положено работой Т.М. Матвеева, «который впервые на научной основе выделил группы говоров чувашского языка, лингвистические и экстралингвистические причины их образования и показал примерные границы крупных диалектных подразделений»²¹.

В этот период изучением диалектов чувашского языка занимались такие ученые, как И.А. Андреев²², А.А. Алексеев²³, Р.Г. Ахметьянов²⁴, Л.В. Данилова²⁵, А.С. Канюкова²⁶, Г.Е. Корнилов²⁷, В.И. Котлеев²⁸, Н.П. Петров²⁹, Р.И. Цаплина³⁰, Т.Я. Чуркин³¹, Г.В. Лукоянов³², Л.П. Сергеев³³, В.И. Сергеев³⁴ и др. Ими рассмотрены фонетические, грамматические, семантические, лексические особенности многих говоров чувашского языка, подготовлены программы и анкеты для сбора материала³⁵. В Чувашском государственном университете

им. И.Н. Ульянова и Чувашском НИИЯЛИ регулярно выпускались сборники статей³⁶, посвященные проблемам диалектологии. Был собран, обработан, систематизирован и введен в научный оборот огромный материал по фонетике, морфологии, лексике, семантике и синтаксису многих говоров и диалектов чувашского языка. Л.П. Сергеевым был подготовлен уникальный труд – «Диалектологический атлас чувашского языка», который с 1960-х гг. хранится в научном архиве Чувашского НИИЯЛИ (ныне – ЧГИГН). Кроме этого, в научном архиве института имеется более 400 единиц хранения, содержащих материалы по диалектам и говорам чувашского языка³⁷. Несмотря на то что в этот период сделано немало в диалектологической науке, остались и нерешенные вопросы. Один из основных, на наш взгляд, место и роль **среднего диалекта**, характеризруемого в научной и учебной литературе как **«зона смешанных (переходных) говоров»** в диалектной системе чувашского языка.

Конец XX – начало XXI в. В настоящее время особенности диалектов и говоров являются предметом рассмотрения таких исследователей, как Л.П. Сергеев, Н.И. Егоров³⁸, Г.А. Дегтярёв³⁹, А.П. Долгова⁴⁰, А.Д. Ахвандерова⁴¹, Л.В. Власова⁴², В.В. Павлов⁴³, Н.В. Матвеева⁴⁴, П.В. Желтов⁴⁵, А.В. Кузнецов⁴⁶ и др. Преподаватели и студенты факультета чувашской и русской филологии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева под руководством Л.П. Сергеева, заведующего Научно-исследовательской лабораторией чувашской диалектологии, проводят экспедиции в районы Чувашской Республики и в места компактного проживания чувашей в других регионах (республики Татарстан и Башкортостан, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Оренбургская, Тюменская области). Публикуются материалы конференций, статьи, словари и монографии, посвященные диалектам и говорам чувашского языка. Несмотря на большое количество работ по чувашской диалектологии (Л.П. Сергеев и его последователи), большинство из них носит описательный характер и их целью являлась фиксация диалектного материала. Вышеуказанный недостаток может быть восполнен⁴⁷.

В последнее время изучению диалектов, их происхождения много внимания уделяет П.В. Желтов. Он пытается заниматься исторической диалектологией. Его исследования, выводы пока не получили поддержки среди чувашских языковедов, так как высказанные предположения не всегда подтверждаются фактическим материалом, а в большинстве случаев, ввиду отсутствия письменных источников,

позволяющих ознакомиться с особенностями языка чувашей и их исторических предков, живших в XIV–XVI вв., а также фиксаций особенностей «заказанского» и «казанского» диалектов «древнечувашского языка», сделать анализ данных диалектов не представляется возможным. Ученый предлагает привлечь материалы горномарийского, удмуртского и кыпчакских языков и приходит к следующим выводам: «...северо-западные говоры являются результатом смешения одного из северных говоров “древнечувашского языка” – “заказанского” с “казанским” диалектом “древнечувашского языка” (непосредственным предком верхового диалекта чувашского) и наложением его на местный марийский субстрат, говоривший на горномарийском наречии. При этом субстрат оказал большее влияние на малокарачкинский говор»⁴⁸, «северо-западные говоры... тяготеют к отдельному диалекту древнечувашского языка – “заказанскому”, и их сближение с верховым диалектом является поздним явлением, произошедшим уже на территории Чувашии»⁴⁹, «средний (средненизовой диалект) сохранил редуцированные лабиализованные гласные и вместе с северо-восточными говорами (козловско-урмарскими), которые выделяются прогрессивным огублением, восходит, вероятно, к предказанским говорам “древнечувашского” языка, ареал распространения которых был в древности южнее Казани и в горной стороне нынешней Татарии, где он сохранился и до сегодняшнего дня»⁵⁰, «низовой диалект чувашского языка имеет относительно позднее происхождение (XVII – начало XVIII в.) и развился из среднего (средненизового диалекта)»⁵¹, «чувашские диалекты – верховой с выделяющимися северо-западными говорами (малокарачкинский, большекарачкинский, сундырско-козьмодемьянский), средний (или средненизовой) и низовой – являются прямым продолжением не одного, а нескольких (как минимум двух) диалектов “древнечувашского языка” – группы среднебулгарских диалектов, на котором говорила социально обособленная группа булгар, называвшаяся чувашами и сформировавшаяся из чувашей – одной из булгарских народностей, составлявших булгарский народ (булгары, сувары, савиры, берсула, темтюзи, эсегели и чувашаи)»⁵². Не все из сказанного П.В. Желтовым можем принять за истину, в частности то, что савиры – одна из составляющих булгарского народа; что северо-западные говоры тяготеют к «заказанскому» диалекту древнечувашского языка, и то, что были «заказанский» и «казанский» диалекты древнечувашского

языка и пр. Вместе с тем важен сам факт того, что ведутся исследования в русле исторической диалектологии. Надеемся, что они будут развиваться и дальше.

В изучение диалектов чувашского языка свой вклад вносят Л.П. Сергеев, А.П. Долгова, Т.В. Денисова, А.Д. Ахвандерова и др., регулярно публикуя свои разработки как в региональных изданиях, так и за пределами республики.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В данном разделе сделан акцент на том, что с утверждениями некоторых предшественников о количестве (два диалекта) и порядке происхождения диалектов (верховой → низовой → средний) можно не согласиться. Представим иную точку зрения на этот вопрос.

Практически вся диалектология чувашского языка в своем развитии шла неверным путём из-за, казалось бы, маленькой ошибки, недочета, выраженного в том, что за аксиому, неоспоримый факт было взято следующее утверждение: «В чувашском языке два диалекта: верховой и низовой, а в зоне их взаимодействия образовалась зона смешанных (переходных) говоров (или средний (смешанный) диалект)». Результатом стало изучение диалектов чувашского языка в отрыве от истории, а конкретно – процесса расселения чувашей на территории современного их проживания. После печальных событий XIII–XV вв. расселение чувашей на территории современной Чувашии происходило в следующем порядке: сначала были освоены территории северо-восточных и центральных районов, затем – северо-западных районов, только в последнюю очередь – юго-восточных и южных районов. Если бы ученые обратили внимание на эти факты, то ошибок удалось бы избежать. По словам В.Д. Димитриева, в середине XVI в. чувашаи в основном обитали в двух местах: 1) в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики (южная граница их земель проходила по реке Кубне); 2) в Приказанье и Заказанье, где от Казани на восток до Средней Камы широкой полосой растянулась Чувашская даруга. По утверждению ученого, «территории современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, юго-западных районов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляли собой «дикое поле» –

пространство без оседлого населения и поселений»⁵³, только с последней четверти XVI до начала XVIII в. чуваши вернулись на оставленные в XIV – начале XV в. земли юго-восточной и южной частей Чувашии⁵⁴.

Таким образом, освоение чувашами территории современного пребывания происходило в следующем порядке: северо-восточные и центральные районы → северо-западные районы → юго-восточные и южные районы. По утверждению ряда диалектологов XX–XXI вв., сначала образовались верховой и низовой диалекты, а затем, в результате их взаимодействия – «зона смешанных (переходных) говоров», в которой проявляются особенности как верхового, так и низового диалектов, а также «свои специфические особенности, которые отсутствуют в системе обоих диалектов», но все же «исторически смешанный диалект образовался в ходе интенсивных междиалектных контактов, продолжавшихся в течение ряда столетий»⁵⁵. Судя по выводам некоторых диалектологов, чувашские диалекты развивались независимо от носителей этих диалектов: хотя чуваше, образовавшие современную этнографическую группу средненизовых, первыми поселились на территории современной Чувашии, их диалект сформировался в последнюю очередь, а *низовой* диалект возник раньше среднего, даже если этнографическая группа «низовые чуваше» (в современной интерпретации) образовалась позже других этнографических групп. Чтобы разобраться в данной путанице, обратимся к исследованиям по истории, этнографии чувашей, истории чувашского языка.

Н.И. Егоров и А.В. Кузнецов в разделе «Язык и диалекты» монографии «Народы и культуры. Чуваше» отмечают, что диалектная система чувашского разговорного языка состоит из трех крупных совокупностей локальных наречий, говоров и подговоров. На современном этапе изученности специалистами выделяются три основных диалекта: верховой (*вирьял*), средний (*мал ен*) и низовой (*анатри*). Статус «среднего» диалекта, декларированного ещё Н.И. Золотницким, только-только устанавливается, в специальной литературе он описывается традиционно как группа переходных, смешанных говоров под разными терминологическими обозначениями: «средненизовой», «средний», «центральный», «смешанный», «переходный» и пр. Нейтральным, на наш взгляд, следует признать термин «средний (*мал ен*) диалект». Различия между диалектами чувашского языка (верховым, низовым и средним), а также между ними и говорами чувашской диаспоры незначительны,

они не препятствуют пониманию между носителями местных говоров. В каждом из диалектов выделяются более мелкие локальные подразделения – наречия, говоры и подговоры.

Ареал верхового диалекта занимает пространство междуречья Суры и Цивилия; среднего – междуречье Цивилия и Кубни; южнее железнодорожной линии Шумерля – Канаш и нижнего течения Кубни начинается ареал распространения низового диалекта. Намеченные границы носят условный характер, но проведение более точной демаркационной линии между диалектами не имеет смысла, так как существуют так называемые зоны вибрирования. Тиражируемая во всех современных изданиях карта диалектов и говоров чувашского языка на территории Чувашской Республики не отражает реальной ситуации (особенно в части разграничения среднего и низового диалектов). Низовой диалект распространен на огромной территории, включающей отдельные районы Татарстана, Башкортостана, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Оренбургской и некоторых других областей Российской Федерации.

Носители низового диалекта являются относительно поздними (с XVII–XVIII вв.) переселенцами из территорий проживания средненизовых и верховых чувашей, поэтому во многих случаях говоры низового диалекта являются смешанными и содержат остаточные особенности материнских говоров то верхового, то среднего диалектов, а иногда того и другого одновременно⁵⁶.

Е.А. Ягафова выделяет шесть этнотерриториальных групп чувашского населения Урало-Поволжья: приволжскую, закамскую, заволжскую, бузулукскую, приикскую и прибельскую. Далее в каждой из выделенных этнолингвокультурных групп вычленяет ряд говоров: в приволжской – сэнгилеевский, самаролукский, неверкинско-кулаткинский, барышский; в закамской – малочеремшанский, аксубаевский, нижнечеремшанский, среднечеремшанский; в заволжской – сокский и рысайкинский; в бузулукской – самобытный бузулукский; в приикской – северный (суньский) и приикский; в прибельской – верхнебельский, нижнебельский и косяковский⁵⁷.

Н.И. Егоров в статье «Чувашская диалектология и этимология» выражал сожаление по поводу того, что и ареальная, и историческая диалектология в чувашском (и не только) языкознании до сих пор находится в зачаточном состоянии. Он тогда еще говорил о пересмотре членения «чувашского разговорного языка на диалекты и говоры», так как традиционная чувашская диалектология различает только «два диалекта – верховой (вирьял) и низовой (анатри) и так

называемый “переходный говор”, причем последний считается образованным в результате смешения двух основных диалектов. Сравнительно-историческое изучение особенностей этого говора в ходе работы над этимологическим словарем показывает, что так называемый “переходный говор” имеет право на статус третьего диалекта (среднего), так как многие его особенности в ретроспективной проекции не восходят ни к особенностям верхового, ни к особенностям низового диалектов, а представляют вполне автономные и довольно архаичные образования. Каждый из трех диалектов требует особого подхода при ретроспективном анализе их языковых особенностей. Так, лексические диалектизмы верхового диалекта большей частью носят субстратный характер и объясняются исходя из марийского языка, а лексические диалектизмы низового диалекта носят адстратно-суперстратный характер и объясняются исходя из татарского языка»⁵⁸.

Обратимся к истории изучения данных диалектов. В своей работе «По вопросу о способах образования чувашей» Н.И. Золотницкий отмечает: «...г. Магницкий говорит, что “Чуваш кнеге” составлена на наречии *низовых* чуваш, а буинский Степан Иванович пишет, что в ней встречаются *верховые* (вирьяльские) слова. В действительности же для составления чувашских учебников принято *среднее* чебоксарско-цивильское наречие, отличающееся правильностью форм, чистотой чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов»⁵⁹. Данное достижение Н.И. Золотницкого, к сожалению, в дальнейшем было исключено из научного оборота. И.Я. Яковлев в своих учебниках начал писать только о двух диалектах: *тури* и *хирти*, причем в состав *тури* включал и средненизовых чувашей, которых он в дальнейшем перестал упоминать в своих работах⁶⁰. Такое отношение И.Я. Яковлева к средненизовой этнографической группе, к среднему диалекту, на мой взгляд, можно объяснить тем обстоятельством, что взаимоотношения с Н.И. Золотницким у него были не самые теплые, к тому же последний издавал свои учебники с использованием языкового материала среднего диалекта.

Н.И. Ашмарин в Предисловии к «Материалам для исследования чувашского языка» (1898) указывал на то, что «чувашский язык (*чăваш чĕлхи*) распадается на две главные ветви: наречие *вир-йал* (*вире-йал*, *вери йал*) и наречие *анатри*, причем оба эти наименования легко объясняются из современного чувашского языка. Первое из них – *вир-йал* или по-другому, менее правильному, произношению – *вире йал*, *вĕри йал* – составлено из *вир* – “верх” и *йал* “селение”, так что

слово *вир-йал* собственно значит “верховые поселения”, “верховой народ”, т.е. народ, живущий в верхнем течении реки Волги. <...> Название *анатри* “низовой” есть не что иное, как имя прилагательное, образованное от местного падежа существительного *анат*, означающего “низовье”, “низменность под горою”, “пойма” и пр. Кроме вышеупомянутого названия *вире-йал* низовые чуваша обозначают своих верховых соплеменников также выражениями *тури*, *таври* “верхний (соб. горный)” и *сӹл йенчи*, что значит “находящийся в верхней стороне”»⁶¹. Уже в следующем труде «Заметки по чувашской диалектологии» Н.И. Ашмарин начинает сомневаться в количестве диалектов и предлагает считать три наречия, т.е. диалекта: «Мы не знаем определенно, сколько надо считать чувашских наречий: остается ли утверждать старое деление на *вире-ял* (*вирьял*) и *анатри* или пока принять другое, по которому чувашский язык распадается на три главнейшие ветви, из которых *анатри* составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*. Последнее деление имеет за собою достаточно основания, так как, помимо других этнографических признаков, чуваша *хирти* по особым свойствам их наречия действительно могут быть выделены в отдельно стоящую группу»⁶². Здесь, как видим, Н.И. Ашмарин говорит о возможности выделения в самостоятельный диалект наречия *хирти*, т.е. современного низового диалекта, т.к. тогда диалектом *анатри* считался современный средний диалект или «наречие» современных чувашей *анат енчи*.

До Н.И. Ашмарина о трех диалектах чувашского языка, кроме Н.И. Золотницкого, писали Г.И. Комиссаров и П.И. Орлов, которые были выходцами из средненизовых чувашей⁶³. В работе «О чувашах Казанского Заволжья» Г.И. Комиссаров, в частности, отмечает, что этнографы чувашей «разделили на две группы: на *вирьял* (вир-ял), или верховых, и *анатри*, или низовых». Он продолжает: «...мы берем смелость не согласиться с принятым мнением ученых и предлагаем свою поправку. Дело в том, что деление чуваш на две группы, по нашему мнению, неопределенно, потому что оно не указывает, где проходит линия, разделявшая одну группу от другой. Если мы приедем в страну чуваш с западной стороны, то увидим их такими, какими они признаются за *вирьял*, а если мы заедем в Чувашляндию с восточной стороны, то найдем чуваш с такими чертами, за которые их причисляют к группе *анатри*. <...> Но если мы обратим внимание на полосу Чувашии, где группа *вирьял* соприкасается с группой *анатри*, то увидим, что в районах соприкосновения этих двух групп

фактически образовалась третья группа, средняя между группами вирьял и анатри, имеющая свои особенности и в одежде, и в языке»⁶⁴. Продолжая размышления о группах чувашей, Г.И. Комиссаров акцентирует внимание на том факте, что чувашаи «средней, промежуточной группы... упорно отделяют себя как от настоящих верховых, или западных, чуваш (вирьял), так и от настоящих низовых, или восточных, чуваш (анатри). Они называют себя обычно “анат енчи” (нижнесторонние), чистых вирьяльцев они называют “тури” (верхнесторонние, верховые) или “кай енчи”, “кайри” (западнесторонние), чистых анатри они называют “мал енчи” или “анатри” (восточные, низовые), или “ирҫе” (ирзе), чистые вирьялы называют среднюю группу “анат енчи”, а в некоторых местностях “хитре мал енчи”, что значит “красивые восточные”... Чистые анатри плохо отличают группу “анат енчи” от вирьяльцев и чаще относят их к “тури” (вирьялам); иногда зовут их “Шупашкар енчи” (чебоксарской стороны), т.е. живущие в районе Чебоксар»⁶⁵.

Несколько иную классификацию и терминологию предлагает исследователь П.И. Орлов: «Анатри (малти, мал йенчи) чăвашсемпе хирти чăвашсем тата вир-йалсем (хура урасем). Чăвашсем пирĕн виçĕ пая уйăрăлаççĕ: анатри чăвашсем, хиртисем, вир-йалсем. <...> Вăсенчен (вирьялсенчен. – А.К.) хĕвел тухăçĕ йеннелле анатри (малти, мал йенчи) чăвашсем пурăнаççĕ. Вăсем Атăлтан пуçласа Йĕпреçпе Шăхрана ҫитиччен кăнтăралла, вир-йалсемпе хиртисем хушшинче, тăрăхла кăна пĕр лаптăк пек ҫĕре йышăнса пурăнаççĕ. Ҫав лаптăкăн кăнтăр йенчи пуçенче кушлавайшем те ҫак анатри чăвашсемпе хисепленеççĕ. <...> Анатри чăвашсенчен чукун ҫул урлă лерелле вара хирти чăвашсем пуçланса каяççĕ»⁶⁶. Границы территории распространения диалектов, этнографических групп, с точки зрения жителей разных районов, очень сильно отличаются в зависимости от места проживания. По утверждению Т.М. Матвеева (в отличие от Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Орлова, Г.И. Комиссарова и др.), чувашаи Янтиковской волости Цивильского уезда считали, что вирьялы проживают севернее железной дороги, а жители с. Яншихово-Норваши причисляют к вирьялам уже жителей д. Малые Кибечи, расположенной против Норваши по северную сторону железной дороги⁶⁷. Жители д. Малые Кибечи, скорее всего, себя вирьялами не считали, их к вирьялам и сегодня никто не относит.

Обратимся непосредственно к происхождению и характерным особенностям данных диалектов.

Средний диалект сравнительно слабо подвергался иноязычным влияниям, здесь меньше всего марийских и татарских заимствований. Система вокализма среднего диалекта сохранила некоторые архаичные черты довольно хорошо реконструируемой среднебулгарской системы вокализма. В частности, здесь наиболее отчетливо проявляются следы губной гармонии, полностью утерянной низовым диалектом и базирующимся на этом диалекте литературным языком, более последовательно произошло сужение $e > u$ и т.д.⁶⁸

Во время социолингвистической экспедиции 2004 г. были опрошены носители всех трех диалектов – жители четырнадцати населенных пунктов шести районов Чувашской Республики:

1) **средний диалект:** дд. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; сс. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района;

2) **низовой диалект:** д. Старое Янашево Яльчикского района;

3) **верховой диалект:** д. Яманаки Красноармейского района; д. Алгазино Вурнарского района; дд. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района.

Анализ собранного в перечисленных населенных пунктах материала показал следующее: несмотря на утверждения диалектологов 50–60-х гг. XX в. о нивелировке диалектов, отличительные черты всех основных диалектов еще сохраняются, хотя наблюдается влияние литературного языка. Л.П. Сергеев, А.С. Канюкова и др. в то время писали, что, например, губная гармония гласных (одна из отличительных черт урмарского говора средненизового диалекта) постепенно утрачивается. В настоящее время эта особенность ярко выражается в речи основной массы представителей как старшего, так и молодого поколения жителей дд. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; сс. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района. Например: *тă^омоно* «сова», *вӑ^ормонолло* «в лес; в сторону леса», *шолдон шоло* «все глубже и глубже», *кӑ^омого* «печь», *сӑ^орон* «ворон», *кӑ^опионк* «насекомое; шучок; мокрица» и т.д.

Широко распространены лексико-фонетические особенности:

а) фонетические варианты вопросительной частицы **-и:** *-а*, *-е* (э), *-о:* *ларатна* (*ларатӑн* + *-и*) «сидишь (ли)?», *килетне* (*килетӑн* + *-и*) «приходишь (ли)?», *тӑ^оротно* (*тӑ^оротӑн* + *-и*) «стоишь (ли)?» и пр.;

б) в терминах родства и свойства: *ати* «отец» и *ани* «мать» (в речи представителей старшего поколения), *хӑдо* «сват» и *тӑхлоч* «свах» (в речи большинства опрошенных);

в) в анатомических терминах: *амбуцци* «плечо», *самзо* «нос», *ша^ом-жок* «тело; кости»;

г) в названиях животных, насекомых: *че^обе^он* «комар», *ма^огоц* «заяц», *та^орно* «журавль»;

д) в названиях деревьев, кустарников, растений: *умма* «яблоко», *паранк* «картофель», *се^велч* «лист; листья», *игел* «желудь»;

е) в детских словах: *омокко* «чудище; страшилище», *амутти* «чудище; страшилище», *коцци* «живот», *оппа ду* «подними; возьми на руки»;

ё) в названиях праздников, обрядов, игр: *ца^мр чикки* (< *ца^мр* + *чу^ке*) «моление о дожде; детская игра в поливание друг друга и прохожих водой в засушливую и жаркую погоду, призванная вызвать дождь», *ва^ормон вайи* «лесные игры; лесной праздник (аналог акатуя)», *пе^р алла* «аналог лапты», *виц алла* «в три руки (аналог лапты, при котором старшие каждой из двух команд имеют право бить по мячу три раза подряд)», *та^ртла* «игра в войну»;

ж) в названиях продуктов питания: *пе^лем* «блины, оладьи», *паранк тонккоми* «картофельное пюре», *ешник* «яичница (с молоком), приготавливаемая в печи»;

з) в названиях предметов утвари, внутреннего убранства дома, других находящихся в них предметов, объектов, вещей: *чу^рече карми* «шторы, занавески», *ка^мого* «печь», *чу^ресе янахи* «подоконник»;

и) в названиях предметов, используемых в приусадебном хозяйстве, предметов и объектов, расположенных вне дома: *тараза* «колодец», *паса^м* «пазьмо, место для усадьбы», *се^вре* «борона», *хумме* «забор»;

й) в глагольных формах: *ух* «подниматься, взбираться», *удала* «обмануть», *ту^белеш* «драться», *хышла* «грызть», *убелен* «ползти, ползать», *у^ле* «выть; громко плакать», *кап* «я пойду», *кан* «ты пойдешь, ты идешь», *кат* ' «он идет, он пойдет» и др.

В речи носителей янтиковского говора наблюдается явление, при котором сочетание ауслатного «к» и анлаутного «ц» дает звук «ч»: *ак* + *цак* > *ачак* «вот этот». Данный факт зафиксирован в селах Турмыши и Яншихово-Норваши, наблюдается, в частности, в д. Нижарово Янтиковского района.

Говор янтиковских чувашей разные исследователи относят к различным диалектам, сам говор также называют по-разному:

1) Н.И. Ашмарин⁶⁹, Г.И. Комиссаров⁷⁰, Л.П. Сергеев – ибресинско-янтиковский говор⁷¹, А.С. Канюкова – урмарско-янтиковско-

канашский говор северо-восточной группы⁷², янтиковские низовые чуваша⁷³ включают в состав низового диалекта;

2) Т.М. Матвеев включил в состав среднего (переходного) говора (южноцивильский подговор)⁷⁴.

Материалы экспедиции 2004 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Верховой диалект, как известно, содержит определенную часть диалектной лексики, что объясняется влиянием марийского языка, обычно квалифицируется как заимствования. При историческом картографировании марийских заимствований чувашского языка выясняется, что основная масса мариизмов сконцентрирована в северо-западных говорах верхового диалекта, граничащих с Горномарийским районом Марий Эл и имеет хронологическую глубину не более трех столетий. За исключением граничащих с горномарийской языковой территорией говоров, в верховом диалекте чувашского языка слов марийского происхождения набирается не более двух-трех десятков, а в среднем и низовом диалектах – не более полутора десятков⁷⁵.

Суммируя данные топонимики, Н.И. Егоров пришел к выводу, что «в сравнительно недавнем историческом прошлом территория, занимаемая ныне верховыми чувашами, была населена предками марийцев. Лингвистическая булгаро-чувашская экспансия распространялась на марийский субстрат примерно с бассейна р. Цивиль и достигла берегов Суры и Волги. Хронологическая граница прихода на эту территорию булгаро-чувашей колеблется с XIII–XIV вв. в левобережье Цивиля и с XVII–XVIII вв. на северо-западной окраине Чувашии. Интенсивность субстратной марийской лексики в верховом диалекте возрастает также по мере продвижения с левобережья р. Цивиль в северо-западном направлении, достигая своего апогея в моргаушко-сундырском говоре. На крайнем северо-западе Чувашии в малокарачкинском говоре до сих пор наблюдается чувашско-марийское двуязычие»⁷⁶.

В период формирования верхового диалекта (XIV–XVIII вв.) субстратный марийский язык растворялся в булгаро-чувашском. Язык коренного марийского населения вытеснялся сначала частично, затем полностью языком прибывших булгаро-чувашей. При этом в языке последних сохранились некоторые особенности марийского языка,

в том числе и проникшие в него ранние болгарские заимствования. Носителям языка-субстрата незачем было повторно заимствовать ранее ими освоенные болгаро-чувашские слова в новом, уже собственно чувашском звучании. Этим объясняется довольно устойчивое сохранение болгаризмов марийского субстрата в верховом диалекте чувашского языка⁷⁷. Так называемые «татарские заимствования» в чувашском языке хронологически можно разделить на две группы и условно назвать их: 1) кыпчакскими заимствованиями (XI–XV вв.) и 2) собственно татарскими заимствованиями (XV–XIX вв.). Особую трудность вызывает отделение кыпчакизов от тюркской по происхождению лексики, заимствованной в разные периоды истории чувашского языка из огузских и иных тюркских языков⁷⁸.

Во время экспедиции 2004 г. нами были исследованы д. Алгазино Вурнарского района; дд. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района, которые относятся к территории распространения калининско-аликовского говора верхового диалекта чувашского языка. Но тут встречаются свои особенности: в д. Алгазино Вурнарского района; в дд. Видесючи, Азамат Аликовского района Чувашской Республики характерная черта верхового диалекта – оканье – слабо выражена или отсутствует. Вместо *пор* «есть», *жок* «нет», *воннӑ* «десять» и др. в данном говоре распространено практически совпадающее с нормами литературного языка произношение *пур*, *чук*, *вуннӑ* и т.д. По мнению Л.П. Сергеева, уканье тут является вторичным явлением, переход оканья в уканье произошёл вследствие интенсивных междиалектных контактов.

В д. Видесючи Аликовского района в значении «здоровый» зафиксировано использование лексемы *таза*. Данное слово в литературном языке имеет значение «чистый». Слово *таса* «здоровый» наиболее часто встречается в этикетном выражении *Таса пул!* «Будь здоров!», произносимом в адрес чихающего человека. В интервокальной позиции в данном говоре происходит процесс удлинения согласных (в других диалектах в данной позиции глухие согласные озвончаются): *туттӑр* – *тоттӑр* «платок», *куккӑль* – *коккӑль* «пирог», *коккӑр* «кривой», *шӑппӑр* «метла» и др.

В ходе исследования говора д. Яманакки Красноармейского района нами были зафиксированы лексемы, характерные для многих говоров верхового диалекта (*маӗжак* «дедушка» (по отцу), *мамак* «бабушка» (по отцу), *поскил* «сосед», *мӑнаӗши* «гром», *хӑбар* «подниматься, взбираться», *сӑва* «кладбище» и т.д.). Но встретились и такие

особенности: *к'ирлӑ* «нужный» вместо лит. *кирлӗ* «id.», *мамок* «бабушка (по отцу)» вместо стандартного верхового *мамак*, лит. *асанне* «id.».

Низовой диалект чувашского языка, в отличие от среднего и верхового, продолжительное время контактировал с татарскими диалектами уже начиная с середины XVI в. и, естественно, особенно богат татаризмами. Здесь они нередко вытесняют соответствующие общенациональные чувашские слова или существуют наряду с ними, иногда оттесняя их на второй план; ср.: чув. (низ.) *тӑкӑс* – тат. *тыгыз* «тесный», при собственно чув. *такар* – «тесный»; чув. (низ.) *тикес* – тат. *тигез* «ровный», при собственно чув. *такӑр* «ровный»; чув. (низ.) *ен* – тат. *ян* [*jän*] «сторона, бок», при собственно чув. *сум* «бок, сторона»; чув. (низ.) *яш* – тат. *яш* [*jaʃ*] «молодой», при собственно чув. **сул*, ср. *сул* «год, возраст» и т.д.⁷⁹

Таким образом, мы видим, что процесс формирования диалектов чувашского языка, как и формирования самих этнографических групп, проходил в ином порядке, чем описывается, преподносится в работах по чувашской диалектологии. Низовой диалект чувашского языка сформировался из среднего (средненизового) диалекта, который характеризуется также уканием, после проведения засечной черты от набегов ногайцев южные лесостепные районы Чувашии стали постепенно заселяться чувашами из современных Янтиковского, Урмарского, Канашского и отчасти Цивильского районов. Средний (средненизовой) диалект чувашского языка является неоднородным (по акцентуации и огублению), но в целом тяготеет к низовому вследствие укания.

Во время экспедиции 2004 г. в д. Старое Янашево Яльчикского района Чувашской Республики фонетические особенности, отличия от норм литературного языка в системе гласных зафиксированы не были. Особенностью говора является постановка ударения на конечный гласный независимо от редуцированности-нередуцированности гласных (*кайрӑ'м* «я пошел»; *килдӗ'м* «я пришел», *ташла'* «танцуй», *пӗлӗ't* «небо» и др.). В данном говоре замечены небольшие отличия в произношении согласных. Например, звук *ч* произносится как мягкий *t'*: лит. *чӑваш*, ст.-янаш. *t'ӑваш* «чуваш». В лексике староянашевцев наблюдаются следующие отличия: *марта* «улей», *куймак* «блины», *пӗске* «мяч», *пуппул* «подвал, погреб» и т.д. Фонетический облик дательного-винительного падежа также имеет свои особенности. Литературному варианту *-сене* соответствует *-се*. Например: лит. *хӗрсене* – ст.-янаш. *хӗрсе*; лит. *сынсене* – ст.-янаш. *сынсе* и др.

Основные особенности диалектов чувашского языка.

В диалектах чувашского языка и в литературном чувашском языке, сформированном на основе буинского говора низового диалекта, основная часть элементов словаря и грамматического строя является общей, но имеются некоторые отличия.

К **фонетическим** различиям относятся: 1) в начальном слоге слов верхового диалекта вместо *у* (уканье) низового и среднего диалектов употребляется *о* (оканье): *пор* ~ *пур* «есть», *олттӑ* ~ *улттӑ* «шесть», *топрӑм* ~ *тупрӑм* «нашёл» и др.; 2) в верховом и среднем диалектах имеются огубленные гласные *ӑ^о*, *ӓ^о*, в низовом диалекте им соответствуют звуки *ӓ*, *ӓ*; 3) в говорах верхового диалекта употребляется *ӧ*, являющийся соотносительной мягкой парой *о* (*пӧрт* «дом», *тӧрт* «спина», *шӧрпе* «суп» и т.д.) вместо употребляемого в других говорах *ӱ*; 4) в говорах низового диалекта аффриката *ч* слышится почти как мягкий *т'*, в то время как у носителей верхового и среднего диалектов *ч* почти не отличается в произношении от русской аффрикаты *ч*; 5) в большинстве говоров верхового диалекта перед сонорными *л*, *н*, *р* и смычным *т* выпадает звук *й* и происходит палатализация указанных согласных: *кар'а* (< *кайра* «позади, сзади»), *сул'ла* (< *суйла* «выбирать»); 6) в большинстве говоров верхового диалекта происходит геминация интервокальных согласных в целом ряде слов: *тоттӑр* «платок», *коккӑль* «пирог» и т.д.

К **морфологическим** особенностям причисляют следующие: 1) количество вариантов аффикса множественного числа: верховой диалект имеет сингармоничные варианты аффикса *-сам* (*-сем*): *лашасам* «лошади», *ёнесем* «коровы»; в низовом встречается только *-сем*: *лашасем*, *ёнесем*; средний диалект представляет сингармоничные варианты, но не только по ряду, но и по огубленности *-сӓм* (*-сӓм*), *-сӓ'м* (*-сӓ'м*), *-сен*: *лашасӓм*, *ёнесӓм*, *тӓ'моносӓ'м*, *хӓ'рсӓ'м* и др.; 2) в говорах верхового диалекта распространен аффикс притяжательного падежа *-йӓн* (*-йӓн*): *лашайӓн*, *ёнейӓн*, дательного падежа – *-йа* (*-йе*): *лашайа*, *ёнейа*, *ёнейе*, в низовом диалекте *-ӓн* (*-нӓн*, *-н*), *-на* (*-не*): *лашан(ӓн)*, *ёнен(ӓн)*, *лашана*, *ёnene*; в среднем диалекте *-н*, *-на* (*-не*): *лашан*, *ёнен*, *лашана*, *ёnene*, кроме этого, в среднем диалекте в формах указанных падежей существительные и местоимения, оканчивающиеся на *у* (*ӱ*), имеют следующие особенности: *пӑрун*, *пӑруна*, *кӑр'ун*, *кӑр'уна*, *ун*, *уна* вместо литературного и встречающегося в других диалектах *пӑрӑвӓн*, *пӑрӑва*, *кӑрӑвӓн*, *кӑрӑве*, *ун(ӓн)*, *ӓна* и др.; 3) аффиксу 2 лица *-у* (*-ӱ*) верхового и среднего диалектов в низовом соответствует *-ӓ* (*-ӓ*): *сан пуӑу* ~ *сан пуӑӓ* «твоя голова», *сан хӑрӱ* ~ *сан хӑрӓ* «твоя дочь»; 4) в говорах

верхового диалекта распространена геминация в аффиксах 2 лица множественного числа глаголов настоящего времени: *эсёр вулаттър* (в низовом и среднем диалектах: *эсир (эсёр) вулатър* «вы читаете»); 5) в говорах верхового диалекта, а также в некоторых говорах Канашского, Ибресинского, Вурнарского и других районов аффикс возможности глаголов *-ай (-ей)* превратился в звук *-и*: *калимаръм* «не мог рассказать», *пёлимаръм, пёлимерём* «не смог узнать» (в говорах низового и среднего диалектов – *калаймаръм, пёлеймерём*); 6) в говорах верхового диалекта употребляется только один вариант вопросительной частицы *-и*: *Эсё кайрән-и?*, *Эсё пёлетён-и?*; в низовом диалекте распространены сингармоничные варианты вопросительной частицы *-а (-е)*: *Эсё кайрән-а?* «Ты уехал?», *Эсё пёлетён-е?* *Эсё пёлетн-е?* «Знаешь ли ты?»; в среднем диалекте также встречаются сингармоничные варианты вопросительной частицы: *-а, -е (э), -о*: *Ларатн-а?* «Сидишь (ли)?», *Килетн-е?* «Приходишь (ли)?», *Тăротн-о?* «Стоишь (ли)?» и пр.; 7) в верховом и среднем диалектах отдельные словосочетания превращаются в сложное слово: в среднем *улмуçци*, в верховом *олмаçци* – в низовом *улма йьвайçё* «яблоня», в верховом *çатмари* – в низовом *çатма аври* «сковородник»; в среднем *кассар* – в низовом *касса яр* «отрежь» и т.д.

Из **синтаксических** различий диалектов особо следует обратить внимание на следующие: 1) в говорах верхового диалекта деепричастие на *-са (-се)* выполняет функцию простого сказуемого, в среднем и низовом диалектах подобное не наблюдается: *Эп килсе ~ Эп(ё) килтём* «Я пришёл»; 2) в верховом и среднем диалектах преимущественно употребляются аналитические конструкции, в низовых – синтетические: верх. *апат çима килёр*, ср. *апат çиме килёр* – низ. *апата килёр* «идите обедать»; верх. и ср. *хаçат çинче çырнă* – низ. *хаçатра çырнă* «написано в газете».

В лексике диалектов также имеются различия. Для верхового диалекта характерны слова *маçак* «дедушка» (по отцу), *мамак, мамок* «бабушка» (по отцу), *поскил* «сосед», *хйнар* «подниматься, взбираться», *çава* «кладбище» и т.д., в низовом и среднем вместо указанных лексем употребляются *асатте, асанне, кўриё/кўрёш, аслати, улăх/ух, çерци, масар*⁸⁰.

Самое время для обращения непосредственно к **первоисточнику путаницы**, связанной с появлением смешанного (переходного) диалекта. В «Материалах для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарин пишет: «Живя в некоторых местностях по соседству друг с другом, чувашаи “вир-йал” и “анатри” иногда перемешали оба

наречия, и таким образом получились **смешанные говоры** (выделено нами. – А.К.), с множеством мелких особенностей»⁸¹. При этом ученый указывает, что низовое наречие употребительно в Симбирской (за исключением Курмышского уезда), Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а также в Чистопольском, Спасском, Свияжском, Тетюшском уездах и частью – в Чебоксарском уезде Казанской губернии; верховое наречие слышится в Цивильском, Ядринском, Козьмодемьянском и отчасти Чебоксарском уездах Казанской губернии и Курмышском уезде Симбирской губернии (к тому же Н.И. Ашмарин уточняет: «К сожалению, эти сведения о географическом распределении чувашских наречий не вполне точны». – А.К.)⁸². Т.М. Матвеев в своем исследовании исходит из утверждения, что «по течению Волги, по признакам культурно-бытовым, костюму и языку принято делить чувашей на две большие группы: верховых и низовых. Первые из них в среде низовых чувашей в разных местах обозначаются терминами *вир ял*, *вире ял*, *вирё ял*, т.е. “верхняя деревня”, “верховое поселение”, или *тури*, т.е. “горные”, *ту* “гора”, *ту-ра* местный падеж, *ту-ри* “расположенный в горной местности”»⁸³. Далее ученым анализируются работы Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова и П.И. Орлова о диалектах чувашского языка, об их границах. Обращаясь к статье Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеев отмечает, что «к востоку от указанной границы верховых Комиссаров выделяет особую, переходную до чисто низовых полосу, которую он, пользуясь названием, известным у чувашей Чебаевской и смежных волостей, называет *анат енчи* “нижнесторонние”»⁸⁴. Подводя итоги анализа работы Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеев говорит: «Таким образом, по Комиссарову, все чувашаи делятся на три группы: *вирьял*, *анат енчи* и *анатри*, т.е. верховые, нижнесторонние и низовые, причем все эти группы занимают у него в классификации совершенно одинаковое место»⁸⁵. Т.М. Матвеев не согласен с тем, что все три группы имеют равный статус. По его мнению, средний диалект всего лишь «промежуточный»: «на такие три этнографические группы удобнее было бы делить чувашей. За верховой группой может остаться традиционное, употребительное у низовой группы название “вирьял”, “группа вирьял”, “вирьяльская группа”, а за низовой группой – распространенное у верховых название “анатри”, “группа анатри”, “низовая группа”. Группа промежуточная может называться просто средней группой»⁸⁶.

Ссылаясь на работу Г.И. Комиссарова «Чувашаи Казанского Заволжья», Т.М. Матвеев к верховым чувашам в качестве подгруппы

предлагает «присоединить ту группу чувашей, которую Комиссаров под названием *анат енчи* “нижнесторонние” выделил как группу среднюю между верховыми и низовыми. <...> Из всего сказанного о средней группе чувашей видно, что группа *анат енчи*, по Комиссарову, не может претендовать на самостоятельное место наравне с верховыми и низовыми. Ее, как имеющую больше общих черт с группой *вирьял*, лучше всего в качестве подгруппы присоединить именно к ней. Близость эта заметна в costume, в равной степени поддерживается данными языка»⁸⁷. Таким образом, Т.М. Матвеев, будучи представителем низовых чувашей, занял позицию И.Я. Яковлева, для которого все чувашаи, проживающие севернее Тетюш, были *тури*: «в состав “вирьял” просветитель включал не только верховых, но и средненизовых чувашей. На его родине *вирьялами* называли всех, проживающих в сторону Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии, там названий *тури* и *анатри* вообще не имелось»⁸⁸.

Некоторые исследователи до сих пор придерживаются точки зрения И.Я. Яковлева и Т.М. Матвеева и пишут только о двух диалектах: верховом и низовом, а между ними располагают «зону переходных (смешанных) говоров»⁸⁹, иногда называют его средним (смешанным) диалектом. Все эти ошибки, недочеты не были бы допущены в свое время, если бы особенности чувашских диалектов, история их происхождения изучались с учетом истории чувашского народа в целом, истории расселения чувашей. Исходя из вышесказанного, необходимо пересмотреть принципы деления чувашского языка на диалекты, т.к. основным все-таки является средний (*мал ен, вйта*) диалект, а смешанными являются диалекты *тури* (или *вирьял*) и *анатри*, которые образовались в результате чувашско-марийских и чувашско-мишарских взаимодействий. А средний диалект не зря был выбран Н.И. Золотницким для создания своих учебников: он считал данный диалект наиболее чистым, мало подверженным влиянию как марийского, так и татарского языков. Это утверждение ученого поддерживают и современные исследователи, в частности Н.И. Егоров, В.Г. Родионов и др.

ЧУВАШИ РАЗНЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП В АСПЕКТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Во взаимоотношениях чувашей разных этнографических групп оппозиция «свой – чужой» проявляется в разной форме. Данной проблемы касается в своих публикациях Г.А. Николаев⁹⁰. В одной из них исследователь отмечает: «...низовым чувашам не нравилась в верховых чувашах манера говорить, которую они находили несколько “неряшливой”»: *Вирьял вӑл тутине ҫаварне йӗлтешкелентерсе калаҫать* – “Вирьялы разговаривают зубоскаля”; *Ак ёнтӗ итле, вирьял ҫавар карать* – “Вот же слушай, вирьял горланит”. По их мнению, образец правильного чувашского наречия в данном плане являла их, низовых чувашей, речь: *Хиртисем сӑмаха татса, вирлӗ калаҫаҫсӗ, лайӑх калаҫаҫсӗ, пасара тухсан хирти калаҫнине илтсен тӗлӗнсех тӑран вара, [ӑ]ҫтан тухать самахӗ, епле чӗлхи ҫаврӑнать* – “Степные выговаривают слова четко, говорят бойко, приятно, услышишь на базаре их речь и диву даешься, откуда только слова берутся, как только умудряются так выражаться”⁹¹. Верховые чувашки носили широкие рубахи, подпоясывая их коротко, а обувались “толсто”. За такие особенности костюма низовые чувашки не без насмешки называли их: *ҫармӑс пеккисем* (букв.: подобные марийцам), *мӑн урасем* (букв.: толстые ноги). Костюм низовых чувашек выглядел по-другому: они одевались в длинные рубахи, а ноги обували “тонко”. Но верховые чувашки находили костюм низовых чувашей лишённым всяческого вкуса: *миӗх кӗпе тӑхӑнакансем* (одевающиеся в мешкоподобные рубахи)⁹². Не жаловали и манеру обувания низовых чувашек, о которой верховые чувашки неслестно отзывались следующим образом: *Вӗсенӗн урисене пушӑ аврипе ҫапсанах хуҫӑлмалла* – “Их ноги переломить можно одним ударом кнутовища”⁹³.

Если примеров, подобных приведенным Г.А. Николаевым, в настоящее время практически не встречается, то случаи употребления чувашами-анатри выражения *хура тӑппа* для уничижительного обращения к представителям верховой (иногда и средненизовой) этнографической группы довольно часты. Приведем пример из форума «Чӑваш халӑх сайчӗ».

Тема: «Хура тӑппасем» («хура урасем») – Кого так называли и называют?

Serte Untri: Хотелось бы узнать про «хура тӑппа» как можно больше.

Васса: Эс ху, Унтри, чӑн-чӑн хура тӑппа вӑт. Ҫапла вирьял (тури) чӑвашсене каласӑҫӑ пирӗн енче. Вирьялсем урисене хура тӑла тӑхӑнса сырӑнӑ, анатрисем шурӑ тӑлапа сырӑнӑ, ҫавӑнпа «хура тӑппа» тенӗ, вирьялсен урисем кӑна хура мар, вообще хура тӑхӑнма юратаҫҫӑ, туя мӗне те хура кӑпесемпе каяҫҫӑ, мӗн калӑн ӗнтӗ – вирьял пӗр сӑмахпа, пӗр япалана та ҫын евӗр туманнипе «вирьял» тенӗ ӗнтӗ вӑсене, ан ҫилленӗр те – ман вирьялсенчен ӗмӗр кулас, йӗкӗлтес, виртлешес килет...

Vyacheslavna: Юрать-ха, ҫак сайт тупӑнчӗ, хам хура тӑппа пулнине пӗлмесӗрех вилсе ыртаттӑмчӗ. Туя хӗр илме хура сӑхманпа кайнине пӗлетӗп, иккӗмӗш кунне вара пурте шап-шурӑ хитре кӑпе тӑхӑнӑнӑ, халӗ те ҫаплах. Хура тӑппа вараланни палӑрмасть, шурӑ тӑппапа миҫе кун ҫӗренӗ-ши мӑнтарӑн чӑвашӗ, кашни кун ҫумалла-ҫке, вӑт чӑннипех хура тӑппа пулса тӑма пултарӑнӑ вӑл. Кӑписем вара чӑннипех те тӗлӗнмелле: Етӗрнесемпе ҫӗреме пулатӑ-ха, Ҫутайсенне туртма хитрелетме пӗлмесен ан та тӑхӑн вӑл кӑпене. Шур тӑппасен хӗрарӑмсен кӑпе аркисене мӗнле утюгласа тӑхӑнаҫҫӑ-ши? Юрать, пире валли урӑх мода тупӑнчӗ, таҫти чӑваш, тӗрех пӗлейместӗн те. «Таҫта-у?» – тесен пӗлме пулатӑ ӗнтӗ.

Юлташ: Пирӗн тӑрӑхра та хӗлле туй арӑмсем хура сӑхман тӑхӑнаҫҫӑ, ҫулла туйра шурӑ кӑпесемпе... Тата, астӑвасса, пускил карчӑкӗ, ҫулла ҫанталӑк пит вӑйлӑ пӑчӑхтарса пӑрахсан, калатчӗ: мӗнле ӗлӗк хӗрарӑмсем уя ӗҫлеме тенкӗсем ҫакса, туй кӑпесем тӑхӑнса ҫӗренӗ-ши ҫакӑн пек шӑрӑхра?..

Sinun: Ой, да, так вирьялов называли из-за чӑрных онучей. А ещӗ помню из детства, что *тӑппасем* – это ножки ребѣночка. А у взрослых – *урасем*. Если не так, то поправьте. Но мне так вот запомнилось.

Serte Untri: Очень жаль, что за основу литературного языка не взят язык вирьяла. Мне лично многие слова непонятны. К примеру, вместо «президент Чувашии» предлагают по-чувашки «эльтепер».

Sinun: Не, я совсем не поняла, но я плохо язык знаю. Но когда пишут на литературном, то многое, конечно, понимаю. Да, вы правы, надо бы издать отдельно словарь вирьял и написать учебник! Наверное, у вирьялов в языке много сокровищ!

Васса: Вирьялӗсем анатрисенчен сахалрах та хавшакрах пулӑнӑ пуль ӗнтӗ, тен, халь те ҫапларах пуль, ҫавӑнпа литература чӗлхи анатри ҫинче никӗсленӗ. Пурте, вирьялсем пек, ҫерҫи чӗппине – «вараби ҫури», сысна ҫурине – «пороҫонкӑ чӗппи», кишӗре – «морка» тата тем те пӗр калама тытӑнсан, аҫта кайса кӗмелле. Вирьял Африкӑра та вирьял ӗнтӗ вӑл, мӗн тӑвас тен?

Serte Untri: Эй, тур ҫырлах! Мёне пёлсе ҫыран пёлмен япалана?

В Москве купил цветы и поехал к бабе с Комсомольского района. Увидя меня в дверях с цветами, сказала по-чувашики следующее: «Ак пӑх-ха ӑна, ҫеҫке йӑтса килчӗ».

AvanS: Хӑвӑр ҫырнине вулӑр та, ӑнланатӑр: мӗншӗн тата аҫтан тухнӑ сӑмах «чӑваш чӑваша юратмасть» тени тата урӑх килӗшӱсӗр сӑмахсем...

Ҫакӑнпа хура-шурӑ тӑппасем ҫинчен пулеме пӑрахсан лайӑхрах мар-ши...

Vacca: Аванс, сӗре тӗрӗс ҫын вӗт-ха эс, пурне те ху пек тӑвӑттӑн, чӑваш чӑваша юратманни мар ку, ман вирьялсене ыталаса илсе, ачашласа-ҫупӑрласа, вӗсен чӗлхипе виртлешсе хутшӑнас килет, ку мана питӗ савӑнтарать, кӑмӑла уҫса ярать. Вӗсем эпӗ йӗкӗлтешсе калаҫнине ӑнланманни тата та вӗсен чӗлхипе калаҫма хистет. Ман анне вирьял, эпӗ вирьялсене юрататӑп, анчах хамӑн вирьял пулас килмест.

Vyacheslavna: Эпӗ Вассан юлашки предложенине «эп аннене юратмастӑп» тесе ӑнлантӑм. Пороҫонка чӗпписем таҫтарах пурӑнасҫӗ ӗнтӗ, пирӗн патра сысна ҫурисемех чупса ҫӱреҫӗ. Правилӑсене пухакан ҫын анатри чӑваш пулнӑ, тури чӑваш пулнӑ пулсан эсӗр те пирӑшкалах калаҫатӑр.

Vyacheslavna: Ҫырнине ӑнланма полать поль?

Кырыкмары: А почему за литературный взяли низовой диалект, а не тури, потому что в последнем больше русизмов, верховой мне кажется древнее низового?

Алатар: Говорят, это потому, что те, кто взялся за создание литературного чувашского, были из низовых. Кто первый встал, того и тапки⁹⁴.

Как видим, «противостояние» носителей диалектов, взаимные уничижительные высказывания все еще продолжаются. Инициаторами таких высказываний в основном являются носители низового диалекта. До сих пор представители низовых часто по отношению к верховым говорят *хура тӑнна*, подразумевая под данной группой всех чувашей, проживающих севернее Комсомольского, Яльчикского, Ибресинского районов.

О СТАТУСЕ МАЛОКАРАЧКИНСКОГО ГОВОРА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В сотнях работ по диалектологии авторы в чувашском языке выделяют только два диалекта⁹⁵: **верховой** («окающий») – выше по течению Волги; **низовой** («укающий») – ниже по течению Волги. Некоторые же исследователи предлагают выделить третий диалект, но не **средний** или **средненизовой**, а **малокарачкинский диалект**, который занимает обособленное положение⁹⁶. Малокарачкинское наречие (говор) – наречие чувашского языка (тюркский язык болгарской группы), распространенное в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашии и близлежащих населенных пунктах. С лингвистической точки зрения малокарачкинское наречие по ряду признаков противопоставляется остальному чувашскому ареалу. Эти различия в основной массе сложились в среднечувашский период, затрагивают прежде всего вокализм и консонантизм. В **вокализме** обнаруживаются следующие особенности: сохранение *ö* (в верховом диалекте сохраняется *o*, но *ö* > *ý*); *ыв*, *áv* > *y*; *ев* > *ý*; *ав* > *a* (в последнем слове *o*); *ив* > *ив/ий*; *ий* > *и*; *ев* > *ö*. В **консонантизме**: совпадение после гласных в глухом варианте *-č-* и *-č'č'-* > *-č-*; изменение *-к-*, *-х-* > *-у-* (между гласными и после сонантов), *-з-* (после *н*); *-кк-*, *-хх-* > *-к-*; *-к-*, *-х* > *-к-*; *-н-* > *-в-*; *-вв-* > *-н-*. Н.И. Ашмарин отмечал также звонкость согласных в начале некоторых слов. Традиционно считается особым наречием чувашского языка⁹⁷.

Во время социолингвистической экспедиции 2009 г. были опрошены носители малокарачкинского говора, образцы их речи были записаны на цифровые носители. Расшифровка собранного материала показала, что отличительные черты диалекта сохраняются, хотя и наблюдается влияние литературного языка.

Как известно, по признакам вокализма ареал чувашского языка можно разделить на три полосы. Первую полосу составляет группа говоров, отличительным признаком которых является оканье, под которым понимается произношение *o* на месте тюркских *a* и *o*. Эта группа говоров может быть названа «окающей» группой, а по географическому положению относительно Волги – верховым диалектом. Граница этой группы проходит на территории Чувашской Республики через следующие пункты: г. Шумерля, верховье р. Выла, с. Аликово, р. Сорма от с. Русская Сорма до ее впадения в р. Большой Цивиль, р. Большой Цивиль, с. Большие Челлы, д. Шорга, отсюда граница по р. Цивиль (на «окающей» стороне остаются г. Цивильск и

д. Байгеево) идет на д. Большое Шигаево и д. Малое Собачкино и выходит на Волгу. На территории «окающей» группы, по мнению Л.П. Сергеева, можно выделить пять говоров: 1) сундырский; 2) моргаушко-ядринский; 3) краснотетайский; 4) калининско-аликовский; 5) чебоксарский⁹⁸. Интересующий нас говор с. Малое Карачкино входит в состав сундырского говора. По классификации Т.М. Матвеева⁹⁹, данный говор является частью козьмодемьянского говора, граница которого проходит через следующие пункты (от Волги к Сура): с. Хыркасы, д. Ядринкасы, д. Анаткасы-Киняры, д. Сыйбайкасы, д. Корлуй, затем по р. Моргаушка д. Ишелькасы, д. Лебедино, д. Вурманкасы, д. Асламас, д. Чебаково, р. Сура.

К особенностям данного говора относятся следующие:

Фонетические признаки: 1) оканье, а именно появление *o* в односложных словах и в первом слоге многосложных слов на месте общетюркского *a*, напр.: *ора* «нога», *хоран* «котел»; *торт* «тянуть»; оканье наблюдается и в уменьшительно-ласкательных аффиксах: *Марок*, *Ман'ок* «Мария» и т.д.; 2) оканье в другом случае – это сохранение тюркского *o* без изменения: *хол* «плечевая часть руки, рука», *хор* «положить»; *зол* «дорога»; 3) сохранение *ǎ*^o, *ǝ*^o (< тюрк. *y*, *y*^o), напр.: *пǎр* «лед» – эта особенность в вокализме является общей для верхового и среднего диалектов; 4) чув. верх. *y*, *y*^o || низ. и сред. *ыв*, *ǎв*, *ив*, *ǝв*, напр.: верх. *шу*, низ. *шыв* (*шǎв* в слове *шǎвар* «поить», *шǝв* в слове *шǝвек* «жидкость»), тюрк. *су* «вода»; чув. верх. *йуш*, низ. *йывǎш*, сред. *йǎвǎш*, тюрк. *агач* «дерево»; 5) переход сочетаний *йр*, *йл*, *йн*, *йт* в *р'*, *л'*, *н'*, *т'*; напр.: верх. *мар'а*, низ. и сред. *майра* «русская женщина, женщина другой народности»; верх. *мыр'ǎ*, *мур'ǎ*, низ. и сред. *майǎр* «орех»; верх. *сар'а*, низ. и сред. *сайра* «редко» и т.д.; из этих явлений йотации некоторые случаи встречаются и в низовых говорах; 6) *m* на месте тюрк. *n*: верх. *ылтǎм*, низ. *ылтǎн*, сред. *ылттǎн* «золото», тюрк. *алтын*; верх. *солхǎм*, низ. и сред. *сулхǎн*, тюрк. *салкын* «прохладно».

Морфологические признаки: 1) форма дательного падежа в словах на *a*, *e* образуется прибавлением *-йа*, низ. и сред. *-на* (*-не*); верх. *лаша-йа* «лошади», *ёне-йа* «корове», низ. и сред. *лаша-на*, *ёне-не*; 2) подчинение сингармонизму показателя множественности в основном падеже: *лаша-сам* «лошади»; *ёне-сем* «коровы», но слова с исходным *й* имеют всегда в основном падеже широкозвучное окончание: *телей-сам* «счастье», *ёскей-сам* «деверья»; 3) окончание положительной глагольной формы 3 лица единственного числа настоящего времени верх. *-ат*¹⁰⁰, эмфатич. *-атǎ*, отрицат. *-маш* / *-машт'*;

4) вопросительной частицей во всех случаях служит *-и*, а в низ. в форме 2 лица *-а (-е)*, в форме 3 лица *-и* и т.д., в сред. *-а, -е (-э), -о*.

Кроме указанных, малокарачкинский говор характеризуется следующими особенностями:

1) Сильное оканье. Если взять всю «окающую» территорию чувашского языка, то наиболее сильно это явление заметно в указанном районе, где наблюдается не только наибольшее количество слов с *о* вместо общетюркских *а, о*, но и встречаются слова с *о*, чего в других местах «окающих» говоров нет. Слов с *о* больше всего в малокарачкинском говоре, в остальных группах этот звук в соответствии с тюркским *о* сузился, изменился, перейдя в *у*; 2) Эканье. В этом говоре имеется значительный слой слов со звуками *ä* и *э* (очень узкий звук) в соответствии с общечувашским *и*, напр.: *när* «мы», *närën* «наш, у нас», *sär* «вы», *särën* «ваш, у вас» вместо общечув. *э-пир, э-пёр* «мы», *пир-ён* «наш, у нас»; *э-сир, э-сёр* «вы», *сир-ён* «ваш, у вас», *хирёç* вместо общечув. *хирёç* «против»¹⁰¹; 3) Наличие слоя слов с гласным *у* вместо общечув. *ы*. Напр.: общечув. *пыр*, тюрк. *бар*, козым. *пур* «идти» и «горло»; общечув. *выльăх* – малокарач. *вул'ăх* «скотина»; общечув. *выр* – малокарач. *вур* «жать»; общечув. *вырăс* – малокарач. *вурăс* «русский»; общечув. *пыл* – малокарач. *пул* «мед»; 4) Наиболее выдержанный сингармонизм в отличие от всех остальных диалектов. Можно предположить, что данное явление развилось под влиянием горномарийского языка. В отношении говора с. Малое Карачкино Н.И. Ашмарин этот вопрос объясняет таким влиянием¹⁰². Примеры: *попля* «говорить», в других местах *попле* или *пупле*; *калях* «опять», в других местах *калех*; в глагольных формах: *калат* «он говорит», *каламас* «он не говорит», вместо *калат'*, *калатё*, *каламаст*, *каламастё*, *каламаç* в других местах этой группы; 5) Сохранение плавного *р* в глагольных формах прошедших времен (прошедшее действия и состояния), в 3 лице единственного и множественного числа повелительного наклонения и во всех формах утвердительных и отрицательных, в которых *р* стоит перед *т*¹⁰³. Примеры: *йар* «послать, посылать, пустить, пускать», прош. действия, *йар-тăм*, прош. состояния *йарнă*, 3 лица множ. ч. повел. накл. *йарчăр* «пусть посылают», *йарма* «послать» (форма супина); 6) Образование форм имен на *у, ў* с аффиксом принадлежности 3 лица *-ё* без растяжения *у, ў* в *ăв, ёв*. Пример: *шу-й-ё* вместо *шыв-ё* «его вода»; 7) Положительная форма 3 лица единственного числа глагола в настоящем времени оканчивается на *-ат (-ет)*: *калат* «говорит», *парат* «дает», *килет* «идет», *перет* «ударяет» вместо книжн. *калат'*, *килет'*. Формы *калат*,

каламас известны в средней группе чувашских диалектов ближе к татарской границе и являются обычными для низовых говоров, но в последних в узкозвучных словах сингармонизм выдерживается. Получается произношение, приблизительно схожее с русским *т* в словах *нет, кот*. По-видимому, здесь имеем дело с частным случаем общего явления, проявлением тенденции к отвердению после узкозвучных гласных вообще и других согласных. По крайней мере, этому закону, насколько удалось установить, подчиняется еще *н*: слово *тин* «тысяча» здесь произносится с твердым *н* (как русское *тин*).

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что приведенные особенности сохранились. Московский исследователь О.А. Мудрак, участвовавший в экспедиции, обратил внимание на наличие в данном говоре такой согласной, как *β*. Нами был опрошен ряд носителей диалекта, и удалось зафиксировать губно-губной звук *β* (соответствует губно-зубному *в* из других диалектов и литературного языка) в слове *пёβэр* «почка». До этого никто не обратил внимания на это явление фонетики. К сожалению, другие примеры употребления звука *β* нам зафиксировать не удалось. Пока данный случай выглядит исключением, необходимы новые исследования в этом плане.

Как известно, в тюркских языках гласные образуют пары по твердости-мягкости, в чувашском языке имеются следующие пары: *а – э (ä), ä – ё, о – ö, у – ү, ы – и*. Во многих работах, посвященных верховому диалекту, мы видим в основном одно слово *пёрт* «дом», в малокарачкинском говоре этот звук содержится в лексемах *пöкё* «дуга; дужка», *кöленчёк* «лужа», *кöпчэмэ* «белый гриб», *шöрбэ* «суп», *кöэнтэ* «кормысло», *тöрэчэ* «окно» и т.д. (Следует отметить, что подобный звук, вопреки существующему мнению, встречается и в других говорах, например в говорах среднего диалекта. Так, запись и электронная обработка показали, что в турмышском говоре в слове *пүрт* «дом» встречается звук, очень близкий к малокарачкинскому *ö*, который можно обозначить как дифтонг *öү, үö* или *öʷ, үʷ*, что обнаружил О.А. Мудрак.)

Лексические особенности малокарачкинского говора представлены в следующей таблице:

Малокарач.	Лит., сред., низ.
Термины родства и свойства	
<i>паппи</i>	<i>асанне</i> «бабушка»
<i>тётти</i>	<i>асатте</i> «дедушка»
<i>апи</i>	<i>анне</i> «мама»

<i>эки</i> <i>йэнки</i> <i>шайнқал</i>	<i>аппа</i> «старшая сестра» <i>инке</i> «жена старшего брата» <i>шайлдам</i> «младший брат»
Еда, питье, фрукты и овощи	
<i>лэшикэ</i> <i>паранк</i> <i>энис</i> <i>орэн</i>	<i>яшика</i> «суп» <i>сёр улми</i> «картофель» <i>укроп</i> «укроп» <i>уйран</i> «пахта»
Животные и птицы	
<i>чёнё сүри</i> <i>варани</i>	<i>чэх чёнпи</i> «цыпленок» <i>сёрси, салакайяк</i> «воробей»
Предметы одежды	
<i>ом арки</i>	<i>сапун, чёрситти</i> «фартук»
Утварь, предметы быта, строения	
<i>пилэ</i> <i>янтар</i> <i>миска</i> <i>стёл'</i> <i>молча</i> <i>сайкак</i>	<i>пайчкя</i> «пила» <i>бутылка, кёленче, пулайштух</i> «бутылка» <i>кастрюль</i> «кастрюля» <i>сётел</i> «стол» <i>мунча</i> «баня» <i>сарай, лупасай</i> «сарай; хлев»
Имена прилагательные	
<i>патлорт</i> <i>прамой</i> <i>шотля</i> «исправный, хороший, красивый» <i>сёнё сок</i>	<i>кёрё, яка, тачкамас</i> «большой, тучный (о человеке)» <i>тўрё, ырай, йёркеллэ</i> «хороший, порядочный» <i>тёссёр, илемсёр</i> «бесцветный, выцветший, некрасивый»
Глаголы	
<i>пётицлен</i> <i>саккарё</i> <i>сёрлэ пыр</i> <i>этрём</i> <i>шу көрт</i> <i>Ёслемесси ара?</i>	<i>кукарйал, пёкёрёл</i> «согнуться, состарившись» <i>сакхрё</i> «ужалила (змея)» <i>сўтёлсе пыр</i> «распутываться (о нитках)» <i>ыйтрам</i> «спросил» <i>шыв асса кёр</i> или <i>шыв илсе кёр</i> «занеси воду (в дом)» <i>Ёслемест-и вара?</i> «Не работает ли?» и т.д.

Ряд числительных также имеет свои особенности. Здесь мы видим как стандартное соответствие звуков *у* и *о*, так и локальные особенности, выраженные в соответствии лит. *айва* и малокарач. *а*, лит. *и* и малокарач. *э (ä)*, лит. *н'* и малокарач. *н*. Сравните:

Малокарач.	Лит.
<i>пёрре</i> <i>иккё</i> <i>виçсё</i> <i>таттй</i>	<i>пёрре</i> <i>иккё</i> <i>виçсё</i> <i>таваттй</i>

<i>пиллѣк</i>	<i>пиллѣк</i>
<i>олттă</i>	<i>улттă</i>
<i>сиччѣ</i>	<i>сиччѣ</i>
<i>саккăр</i>	<i>саккăр</i>
<i>тăххăр</i>	<i>тăххăр</i>
<i>воннă</i>	<i>вуннă</i>
<i>сăрĕм</i>	<i>сирĕм</i>
<i>вăтăр</i>	<i>вăтăр</i>
<i>хĕрĕк</i>	<i>хĕрĕх</i>
<i>аллă</i>	<i>аллă</i>
<i>отмăл</i>	<i>утмăл</i>
<i>сăтмĕл</i>	<i>ситмĕл</i>
<i>сакăр воннă</i>	<i>сакăр вуннă</i>
<i>тăхăр воннă</i>	<i>тăхăр вуннă</i>
<i>сĕр</i>	<i>сĕр</i>
<i>тат сĕр</i>	<i>тават сĕр</i>
<i>олт сĕр</i>	<i>улт сĕр</i>
<i>пинь</i>	<i>пин'</i>

Местоимения также имеют свою специфику. Эту особенность исследователи отмечали и сто лет назад, сохраняются они и в настоящее время:

Малокарач.	Лит.
<i>эп</i>	<i>эп(ĕ) «я»</i>
<i>эс</i>	<i>эс(ĕ) «ты»</i>
<i>вăл</i>	<i>вăл «он, она, оно»</i>
<i>пăр</i>	<i>эпир «мы»</i>
<i>сăр</i>	<i>эсир «вы»</i>
<i>вăсам</i>	<i>вĕсем «они»</i>

К морфологическим особенностям относятся следующие:

- вместо аффикса *-ч(ч)ĕ* малокарачкынцы используют *-шĕ* (*лартсаишĕ* «давно посадил было» вместо *лартнăччĕ*),
- вместо усилительной частицы *-ах (-ех)* употребляется *-ак (-ек)* (*ĕссек йэр* «выпить все»),
- вместо частицы *-ске* здесь распространено *-сă* (*калап-сă* «говорю же» вместо *калатăп-ске*).

К русским заимствованиям относятся: *алă пили* «ножовка», *пилă* «пила» (вместо *пăчкă*), *янтар* «бутылка», *миска* «кастрюля», *стол'* «стол», *вос* «воз», *чельник* «пасека (< пчельник)» и др.

К марийским заимствованиям можем отнести: *пелетĕш* «цветок», *йĕлĕ* «червяк» и др.

Служебные части речи также содержат свои особенности. Среди них особо выделяются: *кап* «подобно» вместо *пек* (лит. *ун пек*, малокарач. *он кап*), *çалак* «все равно» вместо *çавах*.

Распространены морфосинтаксические особенности, выраженные в явлении внешнего сандхи: *ёçсэр* «выпей» (*ёçсе + йэр*), *шайнкартсэртём* «ударил в нос» (*шайнкартса + я(р)тём*) и др.

Т.М. Матвеев писал: «Следует особо подчеркнуть обилие марийских лексических проникновений». Этот тезис давно укоренился в чувашском языкознании, и при анализе диалектов, при исследовании чувашско-марийских, тюркско-финно-угорских контактов ученые практически всегда подчеркивают этот факт. Но анализ так называемых марийских заимствований в чувашском языке с использованием электронных тюркских, финно-угорских, монгольских, иранских и т.д. словарей показал, что некоторые лексемы в других финно-угорских языках не встречаются, а локализовались только в нескольких населенных пунктах, соседствующих с с. Малое Карачкино. Фонетический облик не позволяет пока точно установить их происхождение, т.к. подобные лексемы не встречаются не только в финно-угорских, но и в тюркских, иранских, монгольских, славянских языках.

Участники экспедиции не нашли подтверждения утвердившегося в чувашском языкознании мнения о том, что данный говор основан на марийском языке и основную часть лексики составляют марийские слова. В процентном соотношении марийские заимствования в данном говоре составляют примерно столько же, сколько в литературном чувашском языке, и относятся к лексике, связанной с лесом, насекомыми, животными.

Небезынтересным представляется сравнение содержащих дифтонги лексем с чувашскими заимствованиями в марийском языке. Например: *кавакар* ~ *коакар* «синеть, багроветь», *кавакарчян* ~ *коахарчан* «голубь» > мар. *көгөрчен* вытесняются из речи верховых чувашей.

Говоры верхового диалекта характеризуются комплексом важнейших отличительных признаков.

• Лингвогеографическое изучение сундырского говора позволило выделить в нем два подговора – сундырский и малокарачкинский. Последний подговор, обстоятельно изученный в свое время Н.И. Ашмариним, представляет собой своеобразный уголок чувашской языковой общности, в котором сохранились многие

архаические черты. Малокарачкинский подговор отличается от сундырского и других говоров верхового диалекта:

а) наличием губного переднего ряда, соответствующего *ʉ* других говоров: *põрт* «дом, изба», *çõре* «ходить», *йõнӗ* «дешевый»;

б) звуковые комплексы *ава* и *ёве* в этом подговоре через ступень *oa*, *oe* превратились в долгий гласный: *чааш* (*чоаш* < *чӑваш*) «чуваш», *хӧел* (< *хоел*, < *хӗвел*) «солнце»;

в) очерчивается изоглоссами лексических явлений: *панпи* «бабушка со стороны отца», *тӧттӧ* «дедушка со стороны отца», *вилӗ карти* «кладбище», *кӱпчӗк* «подушка» и др.

• Характерным является употребление *с* вместо *ç* других говоров и литературного языка: *ста* «где», *ниста* «нигде», *пасӑр* «давеча».

• Имеется ряд лексических изоглосс, конфигурация которых имеет картину, сходную с границей двух говоров: *чӑм* «кувшин», *пошут* «всадник», *чӗп çури* «цыпленок», *паранк* «картофель», *йӑлӑн* «уствовать», *пичи* «деверь, старший брат мужа».

Данное утверждение служит сигналом к всестороннему исследованию группы населенных пунктов, в которых распространены особенности малокарачкинского типа, на предмет выявления финно-угорских, славянских и других заимствований, а также древних собственно чувашских форм всех строевых уровней языка, часто принимаемых за марийские.

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Таким образом, в результате исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. На границе Ядринского, Моргаушского районов Чувашской Республики и граничащих населенных пунктов Республики Марий Эл образовалась зона, сохранившая, вероятно, архаичные черты древнечувашского языка.

2. Простое анкетирование и опрос относительно отдельных фонетических и морфологических особенностей лексем не всегда дает адекватные сведения, нередко лишь запись на аудио- или видеокассету позволяет определить те или иные черты.

3. Утверждение диалектологов о том, что малокарачкинский говор сложился в результате наложения чувашского языка на марийский и поэтому основную часть лексики составляют марийские слова, не соответствует действительности. В малокарачкинском говоре

марийские заимствования занимают примерно столько же места, сколько в литературном языке.

4. В данном говоре обнаружен губно-губной согласный звук β , пока не зафиксированный в других говорах и диалектах.

5. Вопреки утверждениям 50–60-х гг. XX в. о том, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты диалекта, говора в обследованном населенном пункте Ядринского района сохраняются.

6. Несмотря на существенные различия в фонетике, лексике и семантике, малокарачкинский говор не может быть определен как отдельный диалект, а тем более – как язык чувашского типа: многие из особенностей данного говора наблюдаются в других говорах верхового диалекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые сведения о диалектном членении чувашского языка появились еще в XVIII в. Предысторией чувашской диалектологии мы можем считать упоминания в разных источниках XVIII–XIX вв. о диалектах чувашского языка, о различиях в говоре чувашей, проживающих в разных местностях. В настоящее время существуют разные точки зрения относительно истоков чувашской диалектологии. Предлагают истоками учения о чувашских диалектах считать труды Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева и т.д. Нам представляется, что историю чувашской диалектологии справедливо начать с Н.И. Золотницкого. Ученый еще в 1867 г. писал о трех диалектах чувашского языка – верховом, среднем и низовом, причем свои работы писал на «чебоксарско-цивильском наречии» среднего диалекта, понятном и верховым, и низовым чувашам. Немногие из тех исследователей, кто утверждал о наличии двух диалектов – верхового и низового – обратили внимание на то, что С.М. Михайлов, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, говоря о чувашах-анатри (низовых), имели в виду современных чувашей «анат енчи» (средненизовых), а под диалектом *анатри* подразумевали современный *в́ата, мал ен* (средний) диалект. Диалектологию советского периода XX в. справедливо будет начать с работы Т.М. Матвеева, впервые «на научной основе» выделившего группы говоров чувашского языка, лингвистические и экстралингвистические причины их образования и показавшего примерные границы крупных диалектных подразделений. В советский период рассмотрены фонетические, грамматические, семантические, лексические особенности многих говоров чувашского языка, подготовлены программы и анкеты для сбора материалов, выпускались сборники статей, посвященные проблемам диалектологии. В этот период был собран, обработан, систематизирован и введен в научный оборот огромный материал по фонетике, морфологии, лексике, семантике и синтаксису многих говоров и диалектов чувашского языка. Л.П. Сергеевым был подготовлен уникальный труд – «Диалектологический атлас чувашского языка», который с 1960-х гг. хранится в научном архиве ЧГИГН. Кроме него, в архиве института для будущих поколений оберегают более 400 единиц хранения, где содержатся материалы о диалектах и говорах чувашского языка.

Молодые исследователи выдвигают новые гипотезы, предположения, предлагают заниматься не только описательной диалектологией, но и исторической.

Вся диалектология чувашского языка развивалась по ошибочному пути из-за, казалось бы, маленькой ошибки, выраженной в том, что за аксиому, неоспоримый факт был взят тезис: «В чувашском языке два диалекта: верховой и низовой, а в зоне их взаимодействия образовалась зона смешанных (переходных) говоров». Данный подход позволил проводить изучение диалектов чувашского языка в отрыве от истории, а конкретно – истории расселения чувашей на территории современной Чувашской Республики, а также за ее пределами. Пришло время исходным считать другой тезис: «Средний диалект является основным диалектом, а верховой и низовой диалекты образовались в результате межъязыковых и межкультурных контактов с марицами и татарами-мишарями».

В настоящее время перед чувашскими диалектологами стоит задача подключиться к глобальным проектам, направленным на документирование тюркских языков и их диалектов, в том числе к проекту «Система автоматического морфологического и синтаксического анализа для корпусов миноритарных тюркских языков России». Проект подчинен задаче документации миноритарных языков России, прежде всего создания их корпусов. Особо следует отметить достижения татарских диалектологов. Электронная версия атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири является результатом совместной разработки ученых Института прикладной семиотики, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Казанского (Приволжского) федерального университета. Выпуск электронного варианта атласа является новым этапом представления диалектологических знаний по татарскому языку. Нам также следует подключиться к подобным проектам, а также с помощью современной аудио- и видеотехники фиксировать все особенности современных чувашских диалектов и говоров. Этот процесс очень важен для изучения истории языка, для объяснения изменений, происходящих в настоящее время и произошедших много веков назад. С учетом того, что численность носителей языка и диалектов стремительно сокращается, вполне вероятно, что через 30–40 лет исследователям диалектов чувашского языка придется обращаться уже к архивным материалам. Работу в данном направлении не следует пускать на самотек.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Диалектом (< греч. *διάλεκτος* «разговор, говор, наречие») называется разновидность какого-либо языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. В основном различают **территориальные** и **социальные** диалекты¹⁰⁴. Под **социальными диалектами** понимают язык определённых социальных групп (отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные языки охотников, рыбаков, гончаров и др.); групповые жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодёжных, коллективов и т.д.¹⁰⁵ **Территориальные диалекты** всегда являются частью целого, отдельно взятого языка. Они имеют отличия в фонетике, грамматике, словообразовании, лексике. Становление литературного языка периода формирования нации обычно происходит на основе одного из диалектов. Этот диалект по существу представляет собой синтез различных диалектов. Возможно развитие двух вариантов литературного языка на основе разных диалектов, обусловленное длительной разобщённостью носителей одного языка (например, марийских или мордовских языков)¹⁰⁶.

Диалектизмами называются характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. Диалектизмы выделяются в потоке литературной речи как отступления от языковой нормы. Различаются диалектизмы фонетические (в чувашском языке – оканье и уканье, то есть произношение «пор» и «пур»); семантические (турмышские *хӑрӑк* «худой, худошавый (о человеке)», *хавшак* «шустрый, бойкий» вместо литературных *хӑрӑк* «сухой, засохший; гнилой; ветхий», *хавшак* «слабый, хилый, немощный, больной, болезненный, слабый») и т.д. Среди лексических диалектизмов различают: лексические диалектизмы – синонимы, соответствующие литературным словам (верх. *маҫак* – лит. *асатте* «дедушка по отцу», верх. *ани* – лит. *анне*); семантические диалектизмы (морг. *вутӑ* «сено», лит. *вутӑ* «дрова»)¹⁰⁷.

Диалектологией называется раздел языкознания, изучающий местные, территориальные разновидности языка, диалекты. В.В. Иванов выделяет «**описательную**, изучающую современные исследователю местные разновидности языка, и **историческую**, изучающую развитие диалектов в истории данного языка»¹⁰⁸, диалектологию. **Описательная диалектология** изучает языковые особенности территориальных диалектов, устанавливает характер тех фонетических, грамматических, лексических черт, которые отличают данные диалекты и имеют определённое распространение в тех или иных местных разновидностях. **Историческая диалектология**, имеющая своей целью реконструкцию истории разных диалектов, истории возникновения, развития или утраты диалектных особенностей, распространения их на определённых территориях или сужения области такого распространения, в конечном счёте стремится воссоздать историю данного языка в его диалектных разновидностях на всём протяжении его существования и развития. В отличие от диалектологии, изучающей территориальные диалекты, выделяется **социальная диалектология**, изучающая социальную, возрастную, профессиональную дифференциацию языка¹⁰⁹.

Лингвистическая география – раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений. Она тесно связана с ареальной лингвистикой. Перенос на географическую карту данных об особенностях тех или иных диалектных образований показал, что их распространение на территории, занимаемой языком, образует сложное переплетение **изоглосс (изоглосса** – от греч. ἴσος «равный» и γλῶσσα «язык, речь»¹¹⁰), линий на географической карте, ограничивающих территориальное распространение отдельного языкового факта, причём обычно изоглоссы разных явлений, характерных для данного диалекта, не совпадают. Однако, не совпадая полностью, отдельные изоглоссы проходят близко друг от друга, образуя так называемые **пучки изоглосс**, между которыми выделяются территории, характеризующиеся языковым единством по явлениям данного пучка и образующие территориальные диалекты. Появление и развитие лингвистической географии связано с картографированием диалектных различий языков и созданием атласов диалектологических¹¹¹.

Говор – наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских населённых пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий.

Различают **говоры переходные (смешанные)**, занимающие промежуточное положение между другими говорами и совмещающие в себе характерные черты нескольких говоров (языков); **говор материнский** – язык жителей населённого пункта, откуда переселилась его часть, образовавшая говор переселенческий; **говор островной** – находящийся в окружении другого языка или резко отличающегося по многим языковым чертам диалекта того же языка¹¹². **Переходным (смешанным) говорам** и путанице в чувашской диалектологии, связанной с ними, мы посвятили специальный раздел.

Наречие в диалектологии, кроме названия одной из частей речи, имеет и другое значение, которое в разных источниках трактуется по-разному:

1) наречие – крупное подразделение языка, объединяющее группу говоров, связанных между собой общими языковыми явлениями (севернорусское наречие)¹¹³;

2) наречие – совокупность местных говоров, диалектов, обладающих общими чертами, диалект более крупный, чем говор (окающее и акающее наречия русского языка)¹¹⁴;

3) наречие – крупное подразделение языка, объединяющее группу говоров (и даже диалектов), связанных между собою рядом общих явлений, неизвестных другим наречиям того же языка; образование наречий бывает вызвано или существованием крупного областного центра, способствующего объединению части говоров языка, или слиянием в один язык близкородственных самостоятельных языков вследствие политического или культурного объединения народностей, говорящих на этих языках¹¹⁵.

Лабиализация (от ср.-лат. *labialis* «губной») (огубление) – артикуляция звуков речи (как гласных, так и согласных), сопровождаемая округлением вытянутых вперёд губ. Для разных языков характерна разная степень лабиализации¹¹⁶. Разная степень лабиализации наблюдается и в диалектах чувашского языка. Так, основным различительным признаком верхового и низового диалектов принято считать противопоставление двух огубленных гласных *o* и *y*: *пор* ~ *пур*, *сок* ~ *сук*, *шорă* ~ *шурă* и т.д. В чувашском языке лабиализация особенно отчетливо наблюдается при произношении редуцированных гласных *ă* и *ĕ* в говорах, распространенных на северо-востоке Чувашии (средний диалект): *кă^oмă^oл*, *кĕ^oмĕ^oл*, *вă^oрă^oм* и т.д. Данная особенность наблюдается и в некоторых населенных пунктах, входящих в ареал верхового диалекта. Но, в отличие

от верхового диалекта, в среднем диалекте лабиализация редуцированных гласных носит повсеместный характер. Кроме данной особенности, в мариинско-посадском, козловском, урмарском, янтиковском говорах среднего диалекта распространено огубление a : $a > a^o > o$. Оно наблюдается в таких словах, как *в^армон* «лес», *к^ашмон* «свекла», *т^амоно* «сова» и т.д. В итоге, в диалектах чувашского языка встречаются следующие **огублённые (лабиализованные, губные) гласные**, образующиеся при округлении и вытягивании губ: [o], [ö], [y], [ý], [ã^o], [ě^o].

Для чувашского языка характерен **сингармонизм** (от греч. σύν «вместе» и ἁρμονία «созвучие») – морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда и консонантном) оформлении слова как морфологической единицы. **Сингармонизм** присущ главным образом **агглютинативным языкам**, где он обеспечивает целостность и отдельность словоформы, действуя как «цементирующее средство» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Конкретный тип сингармонизма зависит от характера вокалической и просодической системы языка; в урало-алтайских языках с их тембровым богатством гласных представлен тембровый и лабиальный сингармонизм. Понятие сингармонизма шире, чем обычно отождествляемое с ним понятие гармонии гласных, так как сингармонизм может выражаться и в консонантной гармонии¹¹⁷.

Ударение (акцент) – выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств. Обычно выделяют словесное, синтагматическое (фразовое) и логическое ударения. По акустическим признакам в чувашском литературном языке, в верховом и среднем диалектах различаются два типа ударения: у гласных a , $э$, $у$, $ý$, $ы$, $и$, $о$, $ö$ – долготно-силовой, $ã$, $ě$, $ã^o$, $ě^o$ – только силовой. В низовом диалекте только один тип – долготно-силовой¹¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 609.

² *Schlözer A.L.* Probe Russischer Annalen. Bremen und Göttingen. 1768. S. 105–106. Цит. по: *Сергеев Л.П.* Чăваш диалектологийĕ. II. Хрестомати. Шупашкар: И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2002. С. 5.

³ Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии Наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. Санкт-Петербург. Изданием Императорской Академии Наук. 1791 года. URL: <http://сувары.пф/ru/content/opisanie-zhivushchih-v-kazanskoj-gubernii-yazycheskih-narodov> (дата обращения: 03.09.2017).

⁴ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 786 с. URL: <http://сувары.пф/ru/content/puteshestvie-po-raznym-provinciyam-rossijskoj-imperii> (дата обращения: 03.09.2017).

⁵ *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Императорская Академия Наук, 1771. 562 с. URL: <http://сувары.пф/ru/content/dnevnye-zapiski-puteshestviya-po-raznym-provinciyam-rossijskogo-gosudarstva> (дата обращения: 03.09.2017).

⁶ *Лебедев В.И.* Симбирские чувашы // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 30. № 6. С. 303–355. URL: <http://сувары.пф/ru/content/simbirskie-chuvashi> (дата обращения: 03.09.2017).

⁷ *Михайлов С.М.* Предания чуваш // Казанские губернские ведомости. 1852. № 24, 25, 28. Часть неофициальная.

⁸ «Разговор анатры, то есть низового чувашина, с виреялем, то есть верховым чувашинном» см.: *Михайлов С.М.* Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. С. 3–9.

⁹ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 173–174.

¹⁰ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. С. 12.

¹¹ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 192.

¹² Свое мнение об этом Н.И. Егоров высказал в кратком отзыве о рукописи данного научного доклада.

¹³ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского. С. 192.

¹⁴ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1898. С. II–V.

¹⁵ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань, 1911. С. 429–432.

¹⁶ Материал информатора П.И. Орлова, уроженца с. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии, о различиях между группами чувашей «Анатри (малти, мал енчи) чăвашсемпе хирти чăвашсем тата вирьялсем (хура урасем)» см.: *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахăсен кенеки. Т. 1. Хусан: Татполиграф, 1928. С. 217–226.

¹⁷ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 217.

²⁰ Там же.

²¹ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского. С. 192.

²² *Андреев И.А.* Об изучении чувашских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков: Материалы II Регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11–15 ноября 1958 г. Казань, 1960. С. 137–139; *Его же.* К характеристике лексики говора башкирских чувашей (По материалам экспедиции 1962 г.) // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 49–100; *Его же.* Происхождение формы множественности в свете диалектных данных // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 44–58; *Его же.* Способы актуализации высказывания в чувашских диалектах // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 25–43.

²³ *Алексеев А.А.* Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсене тĕпчетпĕр [Изучаем местный говор чувашского языка] // Çĕнтерÿ сÿлĕ, 1958. Август, 17; *Его же.* Рикка калаçăвĕнчи сасăсен составĕ [Звуковой строй говора деревни Рикка] // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 175–196; *Его же.* Особенности сенгилеевского говора чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 5–28; *Его же.* Особенности языка чувашей села Живайкино Барышского района Ульяновской области // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1979. С. 75–85.

²⁴ *Ахметьянов Р.Г.* Некоторые чувашско-татарские диалектные лексические параллели и их этимологии – 1 // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 79–89; *Его же.* Некоторые чувашско-татарские

диалектные лексические параллели и их этимологии – 2 // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1980. Вып. 8. С. 165–171.

²⁵ Данилова Л.В. Материалы по чувашским говорам // Диалекты и топонимия Поволжья: Материалы и сообщения / ЧГУ. Чебоксары, 1975. Вып. 3. С. 77–101; *Её же*. Об одной помете Н.И. Ашмарина // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 94–97.

²⁶ Канокова А.С. Говор деревни Мёлёш Аликовского района Чувашской АССР и влияние на него чувашского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1950. 14 с.; *Её же*. О состоянии изучения диалектологии чувашского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков: материалы конференции. Баку, 1958. С. 113–118; *Её же*. О чувашских диалектах // Вопросы диалектологии тюркских языков: Материалы II Регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11–15 ноября 1958 г. Баку, 1960. С. 124–125; *Её же*. Чăваш чĕлхи грамматикин историйĕпе диалектологийĕ [История грамматики и диалектология чувашского языка]: Педагогика институтĕн программисем. Шупашкар, 1959. С. 16–21; *Её же*. Некоторые особенности чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 80–122; *Её же*. Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 2. Баку, 1960. С. 191–206; *Её же*. Чувашская диалектология: (краткие очерки). Чебоксары, 1965. 148 с. и т.д.

²⁷ Корнилов Г.Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. С. 133–161; *Его же*. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 99–104; *Его же*. Опыт исследования по чувашской диалектологии и болгаро-чувашской топонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 20 с.; *Его же*. К теории имитативов и данные чувашских диалектов – I // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1977. Вып. 5. С. 61–142; *Его же*. К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов – II) // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 98–152; *Его же*. К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов – III) // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1979. Вып. 7. С. 23–66; *Его же*. К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов – IV) // Диалекты и топонимия Поволжья: межвузовский сборник / ЧГУ. Чебоксары, 1980. Вып. 8. С. 103–130; *Его же*. К теории имитативов и данные чувашских диалектов – V // Диалекты и топонимия Поволжья: межвузовский сборник / ЧГУ. Чебоксары, 1981. Вып. 9. С. 3–37 и др.

²⁸ Котлеев В.И. Морфологические особенности красночетайского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 35–48; *Его же*. О некоторых фонетических особенностях красночетайского говора // Там же. С. 12–34; *Его же*. Об акустической природе верхового *o* в чувашском языке // Вопросы русской и чувашской филологии: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1973. Вып. 3. С. 3–9; *Его же*. О качестве чувашского

безударного [о] в диалекте тури-вирьял // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 91–100; *Константинова С.И., Котлеев В.И.* Особенности русской фонетики в зеркале малокарачклинского говора чувашского языка // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: сб. научных трудов / ЧГУ. Чебоксары, 1988. С. 27–36.

²⁹ *Петров Н.П.* Морфологические особенности чувашских говоров Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 119–172; *Его же.* Заметки о лексико-синтаксических особенностях некоторых глаголов в чувашских говорах Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 37–44 и др.

³⁰ *Цаплина Р.И.* Основные фонетические особенности ишлейского говора // Записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1952. Вып. 4. С. 32–51; *Её же.* Говор средней части Ишлейского района ЧАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. 18 с.; *Её же.* Морфологические особенности ишлейского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 123–144; *Её же.* Особенности говоров чуваш, проживающих на территории Татарской АССР и Куйбышевской области (По материалам экспедиции 1961 г.) // Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ ЧНИИ за 1961 год. Тезисы докладов, обсуждаемых на заседаниях секции языка. Чебоксары, 1961. С. 17–20; *Её же.* Оканье в чувашском языке // Родной и русский язык в национальной школе: сб. статей. М., 1962. С. 40–54; *Её же.* Особенности чувашских говоров на территории Татарской АССР и Куйбышевской области // Тезисы докладов на V Региональном совещании по диалектологии тюркских языков, 27–30 мая 1963 г. Фрунзе, 1963. С. 32–35; *Её же.* Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 180–206 и др.

³¹ *Чуркин Т.Я.* Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района ЧАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950. 20 с.; *Его же.* Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района ЧАССР // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 152–176.

³² *Лукоянов Г.В.* Мариизмы в говорах верхового диалекта чувашского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения / ЧГУ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 101–116; *Его же.* Марийские заимствования в чувашском языке / М-во просвещения Чуваш. АССР, Чуваш. ин-т усовершенствования учителей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974, 120 с.; *Его же.* Эпир: тури тата анатри чăвашсем [Мы: верховые и низовые чувашаи] // Тăван Атăл. 1988. 1 №. С. 53–54 и др.

³³ *Сергеев Л.П.* Основные особенности моргаушского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 145–174; *Его же.* К характеристике вокализма Козловского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 113–132; *Его же.* Урмарский говор чувашского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 25 с.; *Его же.* Из наблюдений над говором саратовских и пензенских чувашей // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ.

Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 59–112; *Его же*. Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсем [Местные говоры чувашского языка]. Шупашкар, 1969. 79 с.; *Его же*. Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы // *Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 45–166; Его же*. Вокализм верхового диалекта чувашского языка // *Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 173–206; Его же*. Диалектная система чувашского языка (Диалектологический атлас): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973. 43 с.; *Его же*. Консонантизм верхового диалекта // *Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 39–125; Его же*. Еще раз о чувашско-марийских параллелях // *Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 406–437; Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка – 1 // *Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 45–74; Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка – 2 // *Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 12–40 (Труды / ЧНИИ; вып. 59); Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка – 3 // *Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 124–133 (Труды / ЧНИИ; вып. 66); Его же*. Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.; *Его же*. Чувашский язык: диалектологический аспект: избранные статьи: в 2 т. / под ред. Н.И. Егорова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. Т. 1. 322 с.; Т. 2. 278 с. и др.

³⁴ *Сергеев В.И.* Чĕлхери сăмахсен йышĕ уçă курас енчен сийлени: Диалект сăмахĕсем [Лексика чувашского языка с точки зрения сферы ее употребления: диалектные слова] // Чăваш чĕлхин лексикологийĕ: ЧНТИ статья пуххи. Шупашкар, 1977. С. 160–171; *Его же*. Шыв сăмахан диалект, дериваци тата этимологи йăвисем [Диалектные, деривационные и этимологические гнезда слова «шыв»] // *Чтения по вопросам этимологии и ономастики, посвященные 60-летию со дня рождения академика Г.Е. Корнилова: тезисы докладов и сообщений / ЧГУ. Чебоксары, 1996. С. 18–19.*

³⁵ Программа по собиранию материалов о говорах чувашского языка / под ред. И.П. Павлова. Чебоксары, 1955. 91 с.; *Сергеев Л.П.* Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсен материалĕсене пухмалли программа [Программа по собиранию материалов о говорах чувашского языка]. Шупашкар, 1971. 72 с.; *Его же*. Вырăнти калаçăвĕн паллăрах уйрăмлăхĕсене пухмалли анкета [Анкета по собиранию особенностей местного говора]. Шупашкар, 1963. 4 с.; *Егоров Н.И., Хузангай А.П., Виноградов Ю.М.* Диалектологическая практика: методические указания для студентов отделения чувашского языка и литературы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. 40 с.; *Егоров Н.И., Хузангай А.П.* Диалектологическая практика: методические указания по сбору лексического материала. Чебоксары: ЧГУ, 1988. 20 с. и др.

³⁶ Диалекты и топонимия Поволжья (материалы и сообщения). Вып. 1 / ЧГУ. Чебоксары, 1972. 104 с.; Вып. 2. 1973. 117 с.; Вып. 3. 1975. 152 с.; Вып. 4. 1976. 84 с.; Вып. 5. 1977. 142 с.; Вып. 6. 1978. 152 с.; Вып. 7. 1979. 152 с.; Вып. 8. 1980. 172 с.; Вып. 9. 1981. 147 с.; *Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей*

/ ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1960. 196 с.; Вып. 2. 1963. 224 с.; Вып. 3. 1969. 207 с.; Вып. 4. 1971. 106 с.; Вып. 5. 1997. 191 с.

³⁷ Подробнее см.: *Батченко Е.И.* Путеводитель аннотированный по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел языкознания / науч. ред. А.В. Кузнецов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 116–214.

³⁸ *Егоров Н.И.* Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // IX конференция по диалектологии тюркских языков: тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1982. С. 121–123; *Его же.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55–66; *Его же.* Взаимовлияние диалектных терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986. С. 145–149; *Его же.* Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Межъязыковые взаимодействия в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. № 12. С. 58–67; Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка / сост. Л.В. Власова, Н.И. Егоров. Стерлитамак: СГПА, 2004. Ч. 1. 200 с.; Ч. 2. 225 с. и т.д.

³⁹ *Дегтярёв Г.А.* Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка // Чувашский язык: история, этимология, фонетика: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 66–90; *Его же.* Традиционные названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур в чувашских диалектах // Чувашский язык: история и современность: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 48–63; *Его же.* Названия полевых культур в системе диалектного языка // Чувашский язык: история и современность: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 5–15; *Его же.* Названия садовых культур в чувашских говорах // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 5. С. 39–45; *Его же.* Названия овощных культур в диалектном языке // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 5. С. 9–30 и др.

⁴⁰ *Долгова А.П.* Язык чувашей Оренбургской области как опыт изучения // Чуваши в Оренбургском крае (Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева). Оренбург, 1998. С. 44–46; *Её же.* К вопросу о состоянии языка чувашей Среднего Предволжья // Язык, культура, общество: социально-культурные аспекты развития регионов Российской Федерации: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Ульяновск, 19–20 февраля 2002 г. / Ульян. гос. техн. ун-т. Ульяновск: УлГТУ, 2002. С. 68–70; *Её же.* Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 68–88; *Её же.* К характеристике языка симбирско-саратовских чувашей // Вопросы чувашской диалектологии: сб. статей. Кн. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. С. 24–31; *Её же.* Чӑнлӑ районӗнчи (Ульяновск облаҫӗ) ҫӗнӗ Улхаш калаҫӑвӗн сӑта тытӑмӗнчи уйрӑмлӑхӗсем // Чӑваш диалектологийӗн ыйтӑвӗсем: статьясен пуххи. 4-мӗш кӑнеке. Шупашкар: ЧПУ, 2009. С. 24–31; Симбирско-саратовские чувашши: монографическое исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев,

Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин; под общ. ред. М.Г. Кондратьева. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2004. 274 с.

⁴¹ *Ахвандерова А.Д.* Диалекты как источник изучения истории чувашского языка // Чăваш чĕлхипе литературин ыйтăвĕсем. Шупашкар, 2001. С. 43–45; *Её же.* Из опыта исследования говора села Мусирмы Чувашской Республики // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 93–98; *Ахвандерова А.Д., Сергеев Л.П.* Островные говоры восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2015. № 01 (85). С. 20–25 и др.

⁴² *Власова Л.В.* Пушкăртстан чăвашĕсен калаçăвĕнчи лексика уйрăмлăхĕсем [Лексические особенности говора башкирских чувашей] // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: сб. материалов: в 4 ч. Всероссийская научно-практическая конференция, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 11–13 мая 1999 г. Ч. 4: Татарская и чувашская филология. Стерлитамак, 1999. С. 159–164; *Её же.* Заимствованные слова чувашских говоров Республики Башкортостан // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура: Тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Чувашской Республики. Чебоксары, 2000. С. 329–330; *Её же.* Тематическая классификация диалектных слов в говорах чувашей Республики Башкортостан // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения: к 70-летию Арсланова Л.Ш. Елабуга, 2002. С. 52–55 и др.

⁴³ Диалектологический словарь чувашского языка [Электронный ресурс] / Л.П. Сергеев, В.В. Павлов, А.Д. Ахвандерова; Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2017. 164 с.

⁴⁴ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 192–194.

⁴⁵ *Желтов П.В.* Вопросы реконструкции древнечувашской и среднебулгарской фонетики: критический обзор // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7440>; *Его же.* Древнебулгарская субстратная лексика в тюркских языках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 7. URL: <http://www.science-education.ru/107-8103>; *Его же.* К этимологии тюркских указательных местоимений *bu* и *bul* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’ // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <https://www.science-education.ru/108-8473>; *Его же.* Происхождение чувашских диалектов // Фундаментальные исследования. 2013. № 6, ч. 6. С. 1535–1538. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31774> (дата обращения: 03.10.2017); *Zhelтов P.V.* A Comparative analysis of some Chuvash and Tatar case affixes // Turcica. Paris, 2007. № 38. P. 325–331; *Zhelтов P.V., Fomin E., Luutonen J.* Reverse Dictionary of Chuvash // Societe Finno-Ugrienne. Helsinki. 2009. 344 p.

⁴⁶ *Кузнецов А.В.* Тăвай чăвашĕсен чĕлхе уйрăмлăхĕсем [Особенности речи янтиковских чувашей] // Чăваш чĕлхи ыйтăвĕсем: В.И. Сергеев профессор 60 çул тултаринне халалланă аслăх конференци материалĕсем / ЧПУ. Шупашкар, 2002.

С. 91–93; *Его же*. Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (К вопросу о лингвогеографической и диалектологической характеристике) // *Материалы Международного симпозиума, посвященного 70-летию Васильевой Елизаветы Федоровны*. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2004. С. 38–43; *Его же*. Речевой этикет народов Волго-Уралья: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.; *Его же*. Тăрмăш калаçăвĕн хăш-пĕр уйрăмлăхĕсем сĕнчен [О некоторых особенностях турмышского говора] // *Чăваш диалектологийĕн ыйтăвĕсем*: статьясен пуххи. 4-мĕш кĕнеке / яв. ред. А.Д. Ахвандерова. Шупашкар: И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2009. С. 73–79; *Его же*. Современное состояние малокарачкинского говора чувашского языка // *Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г.)* / ред.-сост. А.В. Кузнецов. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 140–147; *Его же*. Тăвай районĕнчи Тăрмăш ял калаçăвĕн фонетика уйрăмлăхĕсем сĕнчен [О фонетических особенностях говора села Турмыши Янтиковского района] // *Вопросы чувашской диалектологии: сб. статей. Кн. 6* / отв. ред. Л.П. Сергеев. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. С. 51–55; *Его же*. Современное состояние диалектов чувашского языка (по материалам социолингвистической экспедиции 2004 г.) // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2015. № 10. С. 165–172; *Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М.* К вопросу о диалектах чувашского языка // *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции*. Уфа, 2015. С. 126–130 и т.д.

⁴⁷ *Желтов П.В.* Происхождение чувашских диалектов // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6. Ч. 6. С. 1535. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31774> (дата обращения: 19.12.2016).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 1536.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 1537.

⁵² Там же. С. 1538.

⁵³ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 2-е, доп. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 131.

⁵⁵ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2007. С. 363.

⁵⁶ *Егоров Н.И., Кузнецов А.В.* Язык и диалекты // *Народы и культуры: чуваши*. М.: Наука, 2017. С. 128.

⁵⁷ *Ягафова Е.А.* Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007. С. 230–257, 400–408. Карты 2–7.

⁵⁸ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология // *Теория и практика этимологических исследований*. М.: Наука, 1985. С. 58.

⁵⁹ *Золотницкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 25.

⁶⁰ Статью В.Г. Родионова «О диалектах чувашского языка и границах этнографической группы анат енчи» см.: *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 176.

⁶¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1898. С. П.

⁶² *Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 65.

⁶³ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос ... С. 177.

⁶⁴ *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова, предисл. Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2003. С. 25.

⁶⁵ Там же. С. 26.

⁶⁶ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. С. 217–222.

⁶⁷ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 21.

⁶⁸ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология. С. 58.

⁶⁹ *Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 71.

⁷⁰ *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань, 1911. С. 429–432.

⁷¹ *Сергеев Л.П.* Чăваш чĕлхин ырӑнти калаçăвĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1969. С. 41–47.

⁷² *Канюкова А.С.* Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары, 1960. С. 80–122.

⁷³ *Канюкова А.С.* Чувашская диалектология: (краткие очерки). Чебоксары, 1965. С. 127.

⁷⁴ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 8–64.

⁷⁵ Н.И. Егоров считает, что в некоторых исследованиях количество мариизмов в чувашском языке завышено, к ним отнесены многие исконно чувашские слова тюркского происхождения. См., например: *Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 119 с.

⁷⁶ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология. С. 59–60.

⁷⁷ Там же. С. 60.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 62.

⁸⁰ *Сергеев Л.П.* Диалекты чувашского языка // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 1: А–Е. С. 511–512.

⁸¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. С. IV–V.

⁸² Там же. С. IV.

⁸³ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 17.

⁸⁴ Там же. С. 19.

⁸⁵ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 23.

⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос ... С. 176.

⁸⁹ См., например: *Ахвандерова А.Д., Сергеев Л.П.* Островные говоры восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2015. № 01 (85). С. 20–25.

⁹⁰ *Николаев Г.А.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свой» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2010. № 5. С. 138–158; *Его же.* Средневожская поликонфессиональная деревня второй половины XIX – начала XX века в аспекте отношений «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 5–15; *Его же.* Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 2); *Его же.* Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX – начало XX века // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона, XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 188–198; *Его же.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.

⁹¹ *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века. С. 64.

⁹² Там же.

⁹³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 1. С. 221, 230; Цит по: *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века ... С. 64–65.

⁹⁴ Хура тяпасем (хура урасем). Кого так называли и называют? URL: <http://oldforum.chuvash.org/cgi-bin/ikonboard.cgi?act=ST&f=7&t=3047> (дата обращения: 10.09.2017).

⁹⁵ Языки народов Российской Федерации и соседних государств. М.: Наука, 2005. Т. 3. С. 389.

⁹⁶ Чувашский язык. URL: http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Чувашский_язык#cite_note-7 (дата обращения: 12.09.2017).

⁹⁷ Малокарачкянский язык. URL: http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Малокарачкянский_язык (дата обращения: 13.09.2017).

⁹⁸ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка ... С. 352–359.

⁹⁹ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 8–79.

¹⁰⁰ Здесь неполное смягчение *m*.

-
- ¹⁰¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. С. 350.
- ¹⁰² Там же. С. 349.
- ¹⁰³ Там же. С. 306.
- ¹⁰⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 132.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 133.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 132–133.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 133.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 134.
- ¹¹⁰ Там же. С. 172.
- ¹¹¹ Там же. С. 268–269.
- ¹¹² Там же. С. 110–111.
- ¹¹³ *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. С. 139.
- ¹¹⁴ *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. С. 337.
- ¹¹⁵ Наречие (диалектология). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Наречие_\(диалектология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Наречие_(диалектология)) (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹¹⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 250.
- ¹¹⁷ Там же. С. 445.
- ¹¹⁸ *Хузангай А.П.* Ударение и интонация // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се – Я. С. 297–298.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Чувашская диалектология: от истоков до наших дней	5
Актуальные проблемы диалектного членения чувашского языка	11
Чуваши разных этнографических групп в аспекте взаимоотношений «свой – чужой»	26
О статусе малокарачкинского говора чувашского языка	29
Заключение	38
Приложение	40
Литература и примечания	44

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 26

КУЗНЕЦОВ Александр Валерьянович

**ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2017 год

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Выпускающий редактор *И.П. Семёнова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Вёрстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 29.01.2018. Формат 60 x 84¹/₁₆
Гарнитура Times. Печать оперативная. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,17. Заказ № 3. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1